

Данила Решетников

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мои глаза открыты

Станция "Сибирская"

Данила Решетников

Мои глаза открыты.

Станция «Сибирская»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497564

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06779-0

Аннотация

Какова цена одной человеческой катастрофы? Для вас она незаметна. Вы идете мимо, опустив голову, не открывая глаз, заткнув уши и быстро уходя за угол. Однако Лиза больше не в силах пускать всё на самотёк. Жизнь пропускает ее через сито трагедий, горя, выстраивая дорогу к детской мечте по необычайно сложным маршрутам: переезд в другой город, ночные кошмары, смерть близкого человека... Мир в глазах ее становится все более запутанным и похожим на фантазию незаурядного психопата. Но однажды она понимает, что между сценарием божьим и сценарием человеческим граница не так очевидна... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Интро	15
Глава 2. Петровская ассамблея	135
Конец ознакомительного фрагмента.	162

От автора

Моя жизнь – это театр.

*Театр неискusstвенных эмоций
и неподдельных чувств.*

Уважаемый читатель, книга содержит множество вымышленных событий, строений, учреждений, людей, но все они, целиком и полностью отражают действительность. Во время чтения, уделите большое внимание мелочам. Надеюсь, что книга придётся по вкусу каждому. Хотя это кажется невозможным...

Пролог

Россия. 2025 год.

Плацкартный вагон. Лето. Июль. Жара. 33 на термометре. А он еще и в тени. Воняет курицей, дешевым парфюмом, старческим потом и выпечкой. На улице невыносимо. Здесь нет. Свежо, прохладно. Вагоны новые, а запахи старые. Куча кондиционеров им не помеха. Кажется, им не помеха даже ядерная война. Да хоть что.

Времена поменялись. Теперь можно ехать у туалета и не бояться, что кто-нибудь хлопнет дверью или заденет, в порыве сдавленного мочевым пузырем движения, твою, свисающую со спального места, ногу. Кровати стали длиннее, проходной коридор чуть уже, новые двери совсем перестали издавать звуки. Закрывались медленно, плавно. Открывались тяжело и натужно.

Народу есть, о чем посудачить. Они играют в нарды, шахматы; молодежь увлекается покером и игрушками на планшете. Категория 40+, в перерывах, за разговорами яро обсуждает то, как заботится о них государство, отламывая ножку от, завернутой в лаваш, курицы-гриль и надкусывая до самой кости, так, что жир стекает по подбородку. Президент подносит на блюдечке новые льготы, увеличивает зарплату на тысячу-другую, вводит в эксплуатацию новые поезда.

– И это все при нашем-то, тяжелом положении с гос-

бюджетом! – поднимает вверх указательный палец мужчина, оснащенный двойным подбородком, заложенным носом и куриными волокнами между зубами.

Я сижу напротив и внимательно его слушаю. Он снова подносит ко рту мертвую жирную птицу. Что-то бубнит. Разобрать трудно. Да я, если честно, и не пытаюсь. За пятнадцать минут в его обществе, мне удалось узнать запредельное количество политинформации. Сколько и куда уходит у нас сырья, как распределяется господдержка для малого и среднего бизнеса, почему нам так нужен демографический всплеск, а также отказ от консерватизма. Якобы, он тащит нас в прошлый век и не дает развиваться. В общем, геев просит он узаконить, а детям с первого класса преподавать азы сексуальной жизни. Как на западе. Откровенно. Без всяких подводных камней.

– Но у нас совершенно иной менталитет, – перебиваю я, не желая с ним соглашаться. – Нам нельзя так. Для русского человека все вышеперечисленное – аморальное, неприемлемое. Зачем же внедрять это?

– Затем, что меняется время. С прогрессом приходят иные ценности. Молодежь сама всего этого хочет. Вот только стесняется старшего поколения.

– Это потому, что мы неправильно их воспитываем. Даем слишком много свободы, вот они и поддаются дурацким соблазнам. Кому отдавать в руки будущее? Извращенцам?

Жирдяй мотает головой из стороны в сторону и снова жу-

ет лаваш. Мне хочется встать и уйти. Не устраивать с ним дискуссии. Но я сижу. Жду. Не время.

– А мне кажется, вы не правы.

– И в чем же? – отвечает мужчина с набитым ртом.

Я вздыхаю.

– Так было всегда. Мы слушали разную музыку, предпочитали различную кухню...

– И что?

– А то, что в Южной Африке всю жизнь бедствовали; в Монако же, в это время, расплачивались карточкой с безлимитом. В Катаре носили абайю, а на пляжах Копа Кабана, в Бразилии, выходили к воде в белых стрингах. Мы все мыслим иначе, живем иначе – так было на протяжении многих веков. Для чего же сейчас пытаться все изменить?

– Мы стали умней, мудрей. Для того и нужно.

– А, по-моему, мы превращаемся в зомби. Глобализация – яд. Всем не выжить. Арифметика очень проста.

– Не смей так говорить! – стукнул он кулаком по столу так, что курица взметнулась на несколько сантиметров и приземлилась мимо тарелки.

Его глаза наливались кровью, как у быка, бегущего за тореро. Он смотрел на меня секунд десять. Угрожающе. Злобно. Коварно. Потом перевел агрессивные очи наверх и замер. Его взгляд тут же преисполнился честолюбием. Я бросила взор туда же.

Над моей головой воспарял маленький телевизор. Каче-

ство отменное. 4К. Канал «Россия 1». Начиналась прямая линия с президентом. «Как совпало», – подумала я и все же решила подняться, чтобы пойти покурить, оставляя этого политолога один на один с верховным главнокомандующим.

Курить нужно идти в тамбур. По старинке. Только теперь, в эпоху технического прогресса, в нем появилась незатейливая наклейка с надписью: «Место для курения». Мол, а раньше никто этого не знал. Все сюда шли тупо по интуиции. Ага.

Устремляясь вдаль коридора, я еще не раз оглянулась, чтобы увидеть хоть какую-то реакцию своего недавнего собеседника на мое отчуждение. Но нет. Он все так же мирно сидел и поглядывал в монитор, нависший над моим спальным местом. «Зомбак», – выразилась я вслух и зашла в «курилку».

Здесь уже был народ. Ну, как народ. Два человека. Парень в спортивном черном костюме с белыми вставками, кашляющий после каждой затяжки и женщина. Женщина была скрытная. У нее было старое пальто, как у Фрекен Бок, шляпа с полями, лежащая прямо на длинном, остроугольном носу и черная сумка, в которой, наверняка, лежала Матильда. Женщина делала тяжкие длинные, крепкие. Выдыхала все через нос. Парень успевал кашлянуть три раза, пока тлела в губах ее сигарета. Я прикурила от зажигалки, подошла к окну и облокотилась на толстые поручни. Курильщики меня будто и не заметили. Парень вскоре потушил свой бычок о железную дверь, бросил в местную пепельницу и вышел. Мы

остались вдвоем. Я и потрепанное песочное пальто в шляпе.

– Привет, – раздался тонкий приятный голос из-под полей.

Я затанулась и встала прямо. А то не этично как-то.

– Привет.

– Далеко едешь? – спросила она.

Ее очи по-прежнему были спрятаны.

– В Крым.

– Отдыхать?

– Вроде того.

– Вроде того?

Выдыхаю дым в потолок.

– Я журналистка. Пишу о восприятии народом разных регионов нынешней власти.

– И как? Получается?

– Не всегда.

Женщина тушит сигарету и поднимает шляпу. Ее глаза – карие, большие, глубокие. В них можно утонуть, но я сегодня была в жилете.

– Россия – страна большая, – произносит она с горечью в голосе. – В ней всегда будут малообеспеченные края, области и округа, а также, обогащенные госбюджетом, именитые мегаполисы. Думаешь, подобное можно исправить? Или в твоих статьях все красиво, без провокаций?

Я глянула через дверное окошко вдаль коридора. Туда, где сидел мой сосед. Отсюда его видно не было, но я все равно

смотрела.

– Тут один мужчина, – произнесла я внатяжку. – Решил, что можно объединить мировоззрение не только в стране, но и на всем земном шаре. Якобы, вместе мы сможем нормализовать ситуацию. Заручиться единым мнением, единой целью...

– Бла, бла, бла.

– Вот и я о том же.

Не прошло и мгновения, как пальто оказалось между мной и окошком.

– Начнем с телефона, – сказала женщина и показала мне свой айфон.

– А что с ним?

Она улыбнулась.

– Это же первичный продукт глобализации! А теперь смотри, – добавили ее уста, а пальцы заехали по экрану. – Сейчас я сделаю то, о чем ты, наверняка, напишешь в своей газетке. Если выживешь.

– Если выживу?!

– О, да. Гляди, – повернула ее рука ко мне маленький мониторчик, на котором красовалась аватарка с моим соседом. – Это он?

Я обомлела.

– Он.

– Какая я проницательная, правда?

Мой взор не сходил с ее тонких пальцев. Я ощутила,

как жжет бедро. Сильно жжет. Наклонившись, я увидела, как уголек от сигареты прожигает правую штанину брюк и немедленно взвизгнула.

– Тихо! – парировала юная Фрекен Бок, делая мне замечание.

Я замолкаю, отряхиваю брюки и снова слежу за ней.

– Вот! – восторженно произносит она. – Получилось. Пошли!

– Что ты сделала?

– Сейчас все увидишь. Просто иди на место.

Не успела я даже поразмыслить над скоротечностью и изяществом ее действий, как, неожиданно для себя, осталась одна в «курилке». Женщина прошмыгнула в вагон и сразу запрыгнула на свою обновленную – широкую боковушку. Я присела на корточки. Встала. Голова идет кругом. Толкнула дверь. Зашла внутрь потного благоволия. Медленно прошла мимо, играющей в нарды, подвыпившей парочки собутыльников. Один из них имел козью бородку и взгляд растерянного козла.

– Твою мать! – выразился тот, что сидел напротив него, очевидно, проиграв партию.

Я шла дальше. Теперь шла быстрее, притормозив лишь у боковушки, на которой лежала одетая Фрекен Бок. Загадочно посмотрев на меня, она широко улыбнулась. Я ответила ей взаимностью и тут же, не оборачиваясь, добралась до своего места. Жирный зомби, уделанный в жирной курице, все

так же неотрывно сверлил экран телевизора.

– Курить ходила? – с отвращением спросил он, не меняя траектории взгляда.

Я ощутила неловкость.

– Ну, да. А что?

– Дерьмо. Весь мир бросает курить, а у нас этим, почему-то, гордятся.

– Не вижу в этом ничего страшного.

– А как же рак легких?

– Рак может наступить от чего угодно. Так что ж, теперь из дома не выходить? Продукты в магазине не покупать?

– Ой, все, – отмахнулся он. – Отстань, курица.

От его наглости у меня глаза на лоб вылезли.

– Как вы сказали? Курица?! Вы ничего не перепутали?

– Нет.

Я наклонилась вперед и со всего размаху врезала ему по щеке ладонью. Кусок куриного крылышка, из его рта, немедленно выпрыгнул на пол.

– Хам! – заключила я и подвинулась ближе к окошку, чтобы меньше видеть его.

От изумления, жирдяй даже оторвался от монитора и взглянул на меня еще более удивленно. Однако решил промолчать. Подобрал курицу, положил в пакет (вероятно, мусорный) и продолжил смотреть «прямую линию с президентом». Я бросила взор в окно. Мы стояли на месте. На станции красовалось какое-то необычное здание ж/д вокзала с

пологой короткой крышей. «Точно», – звякнула в моей голове идея, что можно выйти на связь, и я, без промедления, вытащила смартфон, набрав маме.

– Абонент временно недоступен. Please call back later.

– Черт, – прошептала я и услышала странный шум со стороны выхода из вагона.

Он нарастал. Затем резкий хлопок. Словно кто-то ударил ногой по двери.

– Всем оставаться на своих местах! Работает. Рос Гвардия!

Услышав это, я замерла и прижалась к окошку вплотную. Через несколько секунд, мужчины в черных костюмах, как у «ОМОНа», остановились у моего спального места.

– Здесь? – поинтересовался один у другого, ткнув в меня дулом своего автомата.

– Кажется, да. Руки вверх! Оба!

Мы с жирдяем, не медля, повиновались. Стало страшно. Страшно, что все так серьезно и, похоже, происходит на самом деле.

– Что случилось? – решила полюбопытствовать я.

– Рот закрой! – тут же прервали меня автоматчики. – Встали оба! Держать руки возле затылка! Возле затылка, я сказал!

Рывкнув еще несколько раз, они взяли меня и жирдяя за шкварник и начали выводить из вагона. Я шла первой. Дуло въедалось между лопаток. Глаза были на мокром месте.

«Ведь мы ничего не делали! Что здесь творится?!» – кричала моя душа, недоумевая.

– Быстрее иди! – раз за разом подвергалась я замечаниям и болям от автоматного полимера.

Сделав еще один шаг, я услышала громкий выстрел у себя за спиной. Затем крики. Пронзительные. Девичьи и мужские. Дуло отстало от лопаток, позволив мне обернуться. Я тут же остепенила. Жирдяй лежал на полу. Весь в крови. Прямо под боковушкой с той самой женщиной в песочном пальто. Она по-прежнему мне улыбалась. Зловеще. Нет, это точно она. Но зачем?

В моих глазах, еще пару минут назад, эта дива была безобидным созданием, вмешавшаяся в безобидный спор с безобидной мной. Теперь же я видела в ней Сатану, который подставил меня и этого невинного мужика. Хотя, через мгновение, я уже ничего не видела...

Глава 1. Интро

Одиннадцатью годами ранее.

Открыв глаза, я вдруг понимаю, что вокруг меня, как бы сказал Шекспир – несусветная суматоха. Мгновенные перемещения из стороны в сторону, диалоги в повышенном тоне. Не то чтобы передо мной предстала толпа желающих поздравить футбольную сборную России с победой на чемпионате мира, то бишь на мундиале, но народу хватало с лихвой. И, судя по выражениям их скорчившихся от неприязни лиц, они явно мне не завидовали. Я лежала и смотрела на них снизу-вверх. Мир будто встал на беззвучный режим. В каждой, взглянувшей на меня, гримасе читалось затхлое отвращение. В затылочной области неожиданно образовался пульсирующий болевой участок. Я зажмурилась. Расслабилась. Эффекта ноль. Все шевелят губами, снуют туда-сюда, что-то двигают, но мне по-прежнему ничего не слышно. Я предприняла отчаянную попытку оторвать позвоночник и покинуть порядком поднадоевшее, за то короткое время, что я в сознании, горизонтальное положение, опираясь на оба локтя. Но силы оставляют меня одну, и я снова падаю на скамью, ударяясь спиной. Черт! Мои глаза заметались в панике. «Скорая помощь!» – воскликнул внутренний голос. Я вдруг осознала, что лежу в маршрутном такси среди молодых медсестер и грубых медбратьев, поснимавших свои колпаки и

оставшись в грязных халатах. «Значит, сейчас, подо мной кушетка» – подумала я и снова зажмурилась.

Не скажу, что это меня обрадовало, но внезапно я поняла, что обрела возможность свободно двигать руками. Сжимаю пальцы в кулак. Получилось. Я испытываю микроскопическое удовлетворение и продолжаю искать медленно, но верно, внешние источники предмета всеобщей суеты. Башка едет кругом.

Затылок. Точно. Аккуратно подложив под голову ладонь правой руки, я ощутила, судя по консистенции, что-то необычайно густое и липкое, наподобие геля. Словно мою голову пытались отчаянно откачать, однако вместо дефибриллятора смазывали мне волосы. Да уж. Отступив от этой мысли и дабы побороть свой вожделенный интерес, я отпустила затылок и, расположив запястье на уровне глаз, услышала плавно образующийся крещендо¹. Веки потяжелели. Шум вокруг начинал превращаться в хаос. Кто-то кричал, что-то падало, а я, чувствуя подбирающуюся к устам тошноту, все еще не сводила очей со своей окровавленной ладони, в которую с пальцев, будто с Ниагарского водопада, стекали багровые реки. Я ощутила проступающие на лбу капельки пота. С каждой секундой мне становилось все хуже и хуже. Мой мозг не отыскал ничего лучше, кроме как снова закрыть глаза. Звук пропал. Пропало все...

¹ Крещендо – постепенное увеличение силы звука.

Бытует мнение, что чем дольше ты не поднимаешь веки, тем ярче кажется свет, попадающий на сетчатку. Насчет научного подтверждения я, конечно, не знаю, но тем самым утром после окружения в шумной маршрутке, я вдруг почувствовала, что это мое дебютное появление на белый свет напрямую из утробы матери. Свечение было настолько ярким и непроглядным, белоснежным и бесконечно обволакивающим, что, сильно прищурившись, я представила себя как минимум уроженкой Улан-Удэ или даже аборигеном из региона Якутии. Боязнь остаться с подобным разрезом глаз росла в геометрической прогрессии, потому как свет, с течением времени, уходит, вовсе не торопился.

И все же моему, облитому кровью, сердцу суждено было биться дальше. Я прозревала. О, это блаженное чувство! Я снова вижу! Всюду молочный этюд: белые стены, белые потолки и даже незамысловатые объекты архитектуры в виде плотно заправленных односпальных кроватей и соседствующих с ними тумбочек также отдавали режущим глаз снежным оттенком. Поразительно скудный дизайн интерьера. Однако в каждом углу висела видеокамера.

На этот раз полный стадион вокруг меня не собрался и те единственные, кто находился в этой палате помимо меня, пребывали под чутким наблюдением Морфея. Сладко посапывали и шепотом разговаривали во сне. Попробовав дать волю своим рукам, я вновь сумела оторваться от жесткой кровати и встать на локти. «ОГО!» – взревела я про себя. В

этот раз у меня однозначно больше сил, чем днем ранее. Я прикладываю еще немного усилий, и мне удается, по самым скромным меркам, невероятное – принять сидячее положение. Как оказалось, прилив сил был весьма обманчив. Повторно оглядев помещение и убедившись в том, что я вижу палату, мой воодушевленный организм попытался столкнуть себя на две ходовых конечности. Напрасно. Успехом такое решение не увенчалось. Я тут же почувствовала, как в голове заработала центрифуга и поняла, что если мне и удастся встать, то дальнейший путь более легким мне не представится.

Внезапно, дверь в комнату с грохотом распахнулась. Я устремила испуганный взор в ее сторону. Воздух пропах волнением. Пальцы на руках нервно заегазили. И вдруг, словно чертик из табакерки, в палату врывается бледная особа ростом с платяной шкаф и чуть ли не в оперном тоне берется поливать меня своей растрепанной, как ее черные волосы, нарочитой экспрессией.

– Что вы делаете?!– процедила она. – Лягте немедленно! Вам нельзя вставать! Ваш организм еще слишком слаб!

Я взирала на нее исподлобья, но пошевелиться не удавалось. Тогда я решила, что нужно входить с ней в контакт вербально.

– Но... пл... с... кром...

Я слышала, что глотаю слова. Это был глас безумного страха. Я так хотела спросить: Кто она? Где я? Как я здесь

оказалась? Но все было без толку. Вместо внятной речи по моей сквашенной мине текли горькие слезы. «Боже, помоги мне снова обрести голос!»— молила я.

– Да ляг ты уже на место! – с силой швырнула врачаха меня обратно в кровать.

Я сжала пальцы в кулак, однако на этом мой запал ограничился. Она трясла меня до тех пор, пока истерика окончательно ее не покинула. Голова вновь поехала кругом. Я ощутила, как шприц впился в мое нагое плечо, точно умирающая с голоду комариха. Слабну. Мир перед глазами начинает темнеть, темнеть, темнеть, темнеть, темнеть...

* * *

Очень часто люди закрывают глаза лишь образно. Происходит примерно то же самое что и в физическом смысле. Разница небольшая.

Публика не видит ровным счетом почти ничего. Не замечает уличного насилия... проходит мимо обездоленных и беспризорных... не останавливается, чтобы вникнуть в политические пикеты... наступает себе на совесть и нисколько этого не стыдится.

Мир всесторонен и не безупречен, но мы хотим видеть лишь то, что по–нашему, сугубо личному, мнению является хоть немного красивым или, как минимум, нам не противно.

Ведь если мир идеален – он не сулит тревоги, нет огорчений и слез, нет злобы и крови, волнений и переживаний.

Все вокруг может стать утопией. Стоит только закрыть

глаза.

* * *

Привет. Мой город – город N. Город огромный и красочный. Город, который в кратчайшие сроки превратился в настоящий мегаполис больших надежд. Серьезные люди. Радостная детвора. Длиннющие километровые пробки и нескончаемые лабиринты торговых центров. Молодежь все реже заходит в театр и все чаще норовит посетить очередной открывшийся ночной клуб. Напиться. Развеемся. Возможно, провести ночь в компании малознакомого человека. Или людей. Каждому свое. Собственно. Кому интернет-кафе с кальяном побольше, а кому трендовые шмотки поярче.

Но есть то, что объединяет здесь всех и каждого – технологии, движение, прогресс. А еще проблемы. Да, уж их – то у нас навалом. Детей не берут в садик, поставить машину, возле которого невозможно из-за отсутствия нормальной парковки, а транспорт данный, конечно, ты взял в кредит, параллельно сидя в окопах и отстреливаясь от почти, что бессрочной ипотеки. Ну, это вкратце.

А если речь идет о прогрессе, то есть на нашей маленькой планете места, куда он почему-то добраться никак не может. Видимо, Google maps не скачал. Или 2GIs². А может ему попросту не до этого? Причин, похоже, великая масса. Но результат один. До моей школы прогресс не доковылял,

² Google maps, 2gis – бесплатные картографические сервисы, предоставляющие возможность смотреть панораму городов и спутниковые снимки.

несмотря на то, что географически она заняла территорию в развивающемся массиве. Правда, все еще далеко от центра.

И вообще, наша школа кажется мне скупой и мрачной. Как и любое учебное заведение в спальном районе, построенное во времена пребывания на посту генсека Леонида Ильича, она не выделялась ничем особенным. Не было на ее территории ни фонтана, ни огражденного рабицей футбольного поля с искусственным покрытием. Ничего. Пустырь. Пара клумб, затоптанных первоклашками и турник. Серые стены. Заколоченные наполовину окна. Никакой тебе архитектурной мысли – готики, рококо или чего там еще...арт-нуво, ар-деко...да что там говорить? Восемь компьютеров в кабинете информатики и два баскетбольных кольца в спортзале – вот на этом, наверное, и заканчивается наш скудный список достопримечательностей. Но в целом: я особо не жалею. Думаю, это не главное. Мои одноклассники холят и лелеют мечты об интерактивной доске, а я... я другая. У меня в душе, как выражаются взрослые, юношеский максимализм. Добрые и отзывчивые учителя. Верные подруги. Для моей детской психики написан особый моральный кодекс. Ведь мне вечно кажется, что подростку для счастья необходим глобальный успех, а не мороженое на палочке.

И вот, даже сегодня, 1 сентября, я, стоя на торжественной школьной линейке в бережно отутюженном фартуке и слегка измазавшись мамиными тенями и алой губной помадой, вместо того чтобы болтать о своем как все нормальные люди,

гордо внимала мальчику из 1 «А», читающему на широком крыльце довольно веселое стихотворение.

– Сам не раз я удивлялся,
Как же быстро я расту.
Перед мамой я кривлялся,
Когда сильно обрасту.
Как выклянчивал игрушку,
Дергав папу за штаны.
Как краснел перед подружкой,
В Новый год, даря блины.

Как опаздывал на праздник...как опаздывал на праздник... – шепотом. – А!

Как опаздывал на праздник,
Все водили хоровод,
А я был такой проказник-
Опоздал. Кричу: Вперед!
Все затихли, притаились.
Тут я вылез из-за штор,
На меня все рассердились,
Было очень много ссор.
А сегодня я стою
На крыльце прекрасной школы
И вокруг всем говорю:
Станем взрослыми мы скоро!

Овадии. Бис. Bravo. Неизбежный закадровый смех, словно из комедийного сериала. В общем, все вполне предсказуемо. Никаких эксцессов. Правда, кроме меня стихотворение полностью, наверное, никто и не слышал. Но громко прочитанная последняя строчка сделала свое дело. Проклятые лицемеры. Что ж, думаю, настала пора знакомиться.

Меня зовут Лиза Лаврова. Мне 14 лет, и я ученица 8 «В» класса. Красивая. Стройная. Обаятельная. Учусь прилежно. Отец ведет какой-то бизнес, связанный с мебелью, а мама простой бухгалтер. Семья у нас, как вы поняли, благополучная, однако есть свои тонкости. Но об этом позже. Квартира у нас небольшая – двушка величиной в 45 квадратов, однако места хватает всем. Да и, кстати, в семье я – единственный ребенок.

Существует великое множество интересов, которые могут вскружить голову маленькой девочке: например, я могла бы заниматься в каком-нибудь шахматном клубе, что сейчас мега актуально, и развивать левое полушарие наравне с правым для логического и, соответственно, пространственного мышления. Ведь нынешняя система обучения, как говорят чиновники, должна возвращать вдвое больше кандидатов различных наук. А вот дед мой, услышав аналогичное заявление по телевизору, начинает детально и четко демонстрировать весьма непристойное красноязычие. «В Советском союзе», – повторяет он раз за разом. «Всегда существовали обязательные шахматные кружки! А до этих только сей-

час дошло. Тьфу! Мрак!

Еще я могла бы учиться в музыкальной консерватории и постараться в совершенстве овладеть скрипкой, чтобы путешествовать по свету и гастролировать как Паганини нового поколения в образе женщины. А что? Мне кажется, получилось бы очень круто. Но на нет и суда нет. Слух мой положительного развития так и не возымел.

Танцы, художественная гимнастика, изобразительное искусство, иностранные языки, вокальное пение в конце то концов. Но все это было бы далеко не про мою неординарную личность.

А что до меня? Сейчас. Секунду. Ведь вы уже в предвкушении? Хотя, возможно, для вас это и не станет сенсацией, но все вокруг искренне удивляются, когда я гордо заявляю им о роде своих занятий. «Как? Лиза, ты серьезно?!» – толкуют они без умолку. «Но ты ведь девушка! Или ты хочешь страшные накаченные руки и широкие, как Керченский пролив, плечи?»

В общем, ладно. Хорош томить. Я решила стать обыкновенной спортсменкой с чувством, с толком и просто красавицей. Правда, если верить статистике, мой вид спорта не является таким популярным среди прекрасной половины человечества по сравнению даже с лыжными гонками. Во-первых, он командный и, что характерно, контактный. А во-в... Ну все, все. Прекращаю прогулку вокруг да около. Я выбрала гандбол.

Им я увлеклась не на шутку уже в одиннадцать лет. В начальной школе мы часто соревновались с мальчишками, отбирая мяч друг у друга и передавая его своим партнерам руками. Потом к нам в головы закралась идея соорудить ворота и забивать голы как в футболе, только лишь с одной разницей. Место ног в игре принимали участие исключительно руки. Ворота необходимо было поразить сильным и точным броском. Ну а в оконцовке наша небольшая компания, чисто случайно, наткнулась на свежеприклеенное к дверям школы объявление о наборе девочек в секцию гандбола. Так и началась у меня карьера уже почти профессиональной спортсменки. Тренировки приносят мне массу удовольствия, а победы на скромных турнирах доставляют радостные эмоции и моим родственникам. И хотя некоторые занятия порой доводили мой организм до изнеможения, и сил хватало разве что до дома дойти и прямо не раздеваясь лечь спать, я вновь просыпалась, вставала и шла играть. Такая я. Неустанная. Счастливая. И целеустремленная.

Однако хватит с меня описательной части. Продолжаем вести наш репортаж в режиме реального времени.

– Лиза, давай с нами! – послышался звонкий голос одной из моих подруг, выглядывающей из-за угла школы в накинутаой поверх школьной формы кожаной куртке.

От внезапно возникшей вполне ощутимой неловкости я заметала глазами во все противоположные стороны, дабы создать иллюзию непричастности и отвести от себя лишние

взоры. Наша классная и без того смотрела на меня всю линейку с каким-то невразумительным подозрением, а теперь и вовсе приняла такой вид, будто иного от меня и не ожидала. С горестным разочарованием на лице она развернулась к зачитавшему стих первокласснику, а я предпочла закатить глаза и созерцать наполовину заасфальтированное небесное лонно. Когда все вроде бы успокоилось и вновь стало идти своим чередом, я бросила взгляд на угол. Карина все еще там. Выглядывает. Ненормальная. Теперь мне ничего больше не оставалось, кроме как выдержать, связанное с моей воспитанностью, молчание и, потихоньку, приставными шажочками, покинуть, посвященное Дню Знаний, мероприятие.

– Вы чего разорались? – заглянув за угол, обратилась я шепотом, находясь уже в непосредственной близости. – Я итак вас видела. Могли бы и просто мне помахать.

И действительно. Строгий dress-cod³ в этом трио соблюдала только Карина. Она же и кричала. А вот других двух барышень, а именно Дашу и Яну, контрастирующих на фоне черно-белой палитры во время побега тремя минутами ранее, было трудно не заметить. Одна была буквально обернута, словно конфетка, в розовый жилет, а вторая кралась на цыпочках в ядовито – желтой ветровке, которая в не застегнутом состоянии напоминала огромный плащ. Даша с артистизмом надула губки.

³ Dress-cod – форма одежды, требуемая при посещении определенных мероприятий, заведений, организаций.

– Ой, вы только посмотрите на эту примерную восьмиклассницу! Мы же испортили ей репутацию! Как же наша Лизонька будет в глаза то учителям смотреть?! А-я-я-я-я-яй! – саркастично пропищала она, явно недовольная моей возмущенной реакцией.

Я напряглась. Гнев. Гром. Молния. На помощь вовремя подоспела Яна.

– Ладно, не ссорьтесь, – умиротворенно протянула подруга. – Пойдемте скорей, а то под дождь еще, не дай Бог, попадем.

Я исказилась. Даша изобразила на своей физиономии всю суровость, какую только могла, но не произнесла в дальнейшем ни слова. Так мы и двинулись в путь, конечную точку которого, судя по отсутствию бурного обсуждения, не предложили узнать только мне. Да уж. Погода и впрямь была пасмурной. Запрокинув на ходу голову, я увидела нависшую надо мной почти свинцовую пелену, которая, казалось, вот-вот обрушится. «Как же быстро с неба исчезли последние голубые оттенки», – изумилась я про себя. Ливень неизбежен. Ненавижу такую природу. Настроение падает. Ничего не клеится. Да и говорить, если честно, ни с кем мне совсем не хочется. Дурость какая-то.

Засмотревшись на летящую мимо сизую голубиную группу, я ударилась носком туфли о невысокий поребрик и едва не навернулась лицом на тротуарную плитку. Девочки испуганно обернулись, с произнесенной почти синхронно ре-

пликой: «Все нормально?», на что я в ответ, осматривая поврежденную обувь, удовлетворенно кивнула. Даша порывисто цокнула. Предсказуемо. Я же теперь, держа свой шаг ровным и размеренным, с трудом поспевала за бегущим впереди трио. Боятся намокнуть. А я не боюсь, да? Мотнула головой из стороны в сторону, скривила губы и продолжила играть в догонялки. Таким образом, мы преодолели еще пару кварталов, пока это увлекательное занятие не прервало решение перейти дорогу. Наш квартет выстроился в шеренгу перед новехоньким светофором и необычайно широким проспектом с шести полосным движением. Три полосы. Аллея. Еще три полосы. На светофоре диодами отражаются цифры, освещающие пешехода либо о количестве оставшихся секунд динамики автотранспорта, либо о тех же оставшихся секундах возможного движения пешехода. Первые – красным цветом, вторые – зеленым. Я перевожу дыхание и, пытаюсь избавиться от нависшего в воздухе напряжения, затеваю простенький диалог.

– И кто этот бунт организовал? – спросила я, глядя на испорченную туфлю.

– Карина, – броско отрезала Яна.

Даша тут же проснулась, схватила меня за руку и затрясла ее как сумасшедшая, тыкая указательным пальцем другой руки в предполагаемого организатора.

– Кууууушать говорит, хочу, – жалобно промычала она, передразнивая Карину.

От неожиданности я выпучила глаза и развернулась к Яне.

– В пиццерию?

– Угу, – прозвучал кроткий ответ из ее запертых уст.

«Понятно», – ставлю я точку в заключение собственных мыслей и отстраняюсь. В очередной раз бросаю вдумчивый взор на хмурое небо. Где-то вдалеке послышался гром. Мне стало не по себе. Холодный ветер время от времени заставлял мое тело вздрагивать. Вдруг, кто-то из девчонок с досадой топнул ногой. Это была Карина.

– Что случилось? – с сочувствием прикасаюсь я ладонью к ее спине.

Она выдохнула и с тоской взглянула в мои глаза.

– Я Мише забыла сказать, что у нас завтра игра.

Даша снова демонстративно цокнула и закатила глаза, да так, что я успела по-настоящему испугаться.

– Боже! – с недовольством произнесла она. – Сейчас дойдем, позвонишь и скажешь! Не драматизируй. Пожалуйста!

Карина и впрямь выглядела так, будто еще немного и по ее щекам действительно потекут горькие слезы. Я убрала руку и тут же заметила, что на светофоре горят зеленые цифры.

– Нам пора, – объявила Яна и мы, нога в ногу, словно маршируем по Красной площади, принимаем старт.

На то, чтобы перейти дорогу у нас осталось 28 секунд. И хотя из нашей четверки на каблуках я была одна, в ушах четко отбивался созвучный бит метронома. Все свое внимание я сосредоточила на светящемся таймере. 17. Пересекая

экватор, я с предосторожностью посмотрела направо. Машины стояли смирно. 9. В считанных метрах от окончания этой короткой дистанции кто-то одернул меня за подол юбки. Я остановилась и повернулась практически машинально. Всюду стоял жуткий свист. Зебра обрывалась через каких-то пару шагов. Рядом никого не было. Я прищурилась. Голова кругом. Весь шум смешался в один нарывающий крик. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что осталась одна на дороге. Девчонки уже стояли на тротуаре и звали меня к себе. Но я почему-то, сколько усилий не прилагала, не могла сдвинуться с места даже на сантиметр. На светофоре довольно тускло горела зеленая тройка. Волнение неизбежно вздымалось, пенилось, словно волна в океане. Посмотрев на своих разноцветных подруг повторно, я не увидела Яну. Внезапно время ускорилося. Мимо меня промчалась толпа людей. Я оборачиваюсь и замечаю кусок ядовито-желтой куртки посередине дороги. Яна стояла прямо на аллее и, согнувшись в три погибели, преграждала путь снующим в обе стороны пешеходам. Адреналин закипел в моих жилах. Ноги потянули меня вперед. Я иду к ней. Все быстрее и быстрее. Перед глазами все расплывается. Я ничего не вижу.

– Лиза!!! – тормозит меня, взрывая барабанные перепонки, пронзительный крик.

Я замираю. Дорога снова пуста. Яна, вместе с остальными девчонками, куда-то исчезла. Губы и нос как – будто горят. Поднимая левую руку к лицу, я едва касаюсь уголков

рта кончиками дрожащих пальцев. Больно. Я провела большим и указательным пальцем до середины нижней губы и повернула к себе. На подушечках была размазана блестящая кровь. От помады, похоже, остался один лишь блеск. Поджав губы, чувствую ее вкус. Закрываю глаза. Со свистом пролетает черная иномарка...

* * *

Очнуться, очевидно, мне удалось только в полупустой пиццерии. Мы сидели за небольшим прямоугольным столом, который был под отказ заставлен местной едой. Ничего не помню. Яна с Кариной раскатисто смеются, оставляя заметное эхо. «Видимо, все не так плохо», – подумала я и решила сесть поудобней. Моя, до неузнаваемости скорченная от боли, гримаса, немедленно привлекла излишки внимания всех присутствующих.

– Смотри, похоже, в себя пришла, – кивнула в мою сторону подбородком Карина.

Даша сразу же положила на стол «Аргументы и факты», мгновением ранее закрывавшие ее сварливое личико.

– Да, Лаврова, ты так до свадьбы не доживешь, – очень иронично произнесла она. – И с каких это пор ты в женихи сразу BMW берешь? И чуть что целоваться лезешь.

Перед глазами мелькают кадры: Машина. Свист. Поцелуй. Горечь во рту.

– Лаврова! – возвращает Даша меня в реальность и чуть ли не кидается через весь широченный стол. – Это ведь я

тебе жизнь спасла! Я тебя окликнула! Где благодарность?!

Я обеими руками берусь за свою тяжеленую голову. Ну и ну.

– Лаврова, блин! – продолжала она наседать.

Ее бестолковый ор выводил меня из и без того туманного, равновесия. Однако все замерли в предвкушении, что я хоть что-то сумею вымолвить. Но, не признавать же мне вот так, открыто заслуг этой высокомерной выскочки? Яна взяла мою руку и жалобно посмотрела.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила она.

– Похоже на то, – невыразительно ответила я и перевела томный взгляд на Дашу. – Да, моя спасительница. Я слышу. Благо замуж я пока что не собираюсь. Нужно еще карьеру сделать. Олимпийские игры выиграть.

Противная собеседница громко расхохоталась.

– Лаврова, – сатирически испустила она. – Чтобы попасть в сборную, нужно играть либо за чемпиона России, либо иметь несметное количество денег и связей.

Я с напором и уверенностью поставила оба локтя на стол.

– Значит, я буду играть за чемпиона России. Наша команда добьется этого звания.

Тут в диалог вступила Яна. У нее всегда был научный подход.

– У тебя вряд ли получится, – порвала она надвое кусок пиццы. – В игре за Новосибирскую «Сибирячку» очень мало шансов. За всю свою не многолетнюю историю взрослая ко-

манда ни разу не поднималась выше шестого места. А вариантов, что твою, пусть даже фантастическую, игру заметит тренер сборной – ничтожно мало. Я бы даже сказала: вариантов нет.

Лампочка над нашими головами неожиданно замерцала. Все устремили взгляд вверх и ждали ярчайшего апофеоза. Однако теплый свет в помещении снова возобновился.

– А если выиграть какой-нибудь трофей по ходу сезона? – не унималась я. – Ведь тогда имеется хоть какая-то вероятность?

Амбиции у моих подруг, видимо, были надежно спрятаны. Секундой ранее я будто бы произнесла что-то вроде: «Приятного аппетита». Ибо я не знаю, как еще можно объяснить их хоровое молчание и внезапно пробудившееся желание есть, пить, заходить в соцсети и читать свежую прессу. «Ау?» – кричал мой внутренний голос, в то время как я поочередно рассматривала каждую из сударынь, округлив глаза словно филин.

– Ну...не знаю, – пробормотала Яна с набитым ртом. – Все равно это нереально сложно. Вон Дашка летала в Ростов на просмотр. И что ей сказали?

– Яна! – ворвалась в обсуждение его героиня.

Но та прекращать не намеревалась.

– Полмиллиона, Лиз! – с трепетом взывала она. – Полмиллиона и ты в юношеской команде самого перспективного клуба нашей страны! Представляешь?

У меня во рту как будто бы осел ком. Я не знала, что ей на это ответить. В глубине души я понимала, что это чистая правда, но мое розовое, как летний закат, эго отказывалось принимать информацию подобного рода. Ну, неужели коммерция взяла верх и над детским спортом? Я нервничала. Руки тряслись. Дабы успокоиться, решила сделать пару глотков из стоящего напротив стакана с надписью «Coca-cola». Больными губами присасываюсь к дешевой трубочке. Тьфу, морс!

– И вообще, Лаврова, хватит витать в облаках! – воспользовалась Даша этой неловкой паузой. – У тебя же есть Миша! Вот вырастите: он станет бизнесменом, ты домохозяйкой, вы купите квартиру в ипотеку, заведете парочку спиногрызов и будете жить долго и счастливо.

Карине этот разговор был явно не по душе.

– Даша, хватит! – разгневанно сказала она.

Повисло молчание. Ошеломленная выскочка переключилась на организатора турпохода.

– А что? Она тут сидит и мечтает непонятно о чем, а мы, между прочим, даже паршивый регион выиграть не можем.

Карина отодвинула поднос в сторону и ударила ладонью по столу, да так хлестко, что вся немногочисленная публика, пребывающая в кафе, прекратила трапезу и посмотрела на нас. Темпераментная подруга и бровью не повела.

– Она просто ставит перед собой высокие цели, – процедила сквозь передние зубы моя защитница. – Это ее личное

право. Какая тебе вообще разница? Лиза тебе мешает?

Я вновь напряглась. Закрываю глаза. Беру всю волю в кулак и решаю, что настало время раз и навсегда прервать эту бессмысленную полемику.

– Ладно, хватит, – произношу на выдохе. – Есть проблемы и поважнее. Быть может, кто-нибудь расскажет мне о том, что произошло на дороге?

Девчонок тут же захлестнули самые разносортные эмоции. Они одновременно, перебивая друг друга, пытались по-своему, в словах и жестах, донести мне эту историю. Но в итоге Яна заставила всех заткнуться, рывкнув так, что скромная пиццерия мгновенно оглохла. От волнения я схватила другой стакан, в надежде, что там будет кока-кола.

– У меня прихватило колено, – сказала она, восстанавливая дыхание. – Под чашечкой что-то вдруг закололо. Я поняла, что не смогу идти дальше и остановилась между дорогами. Боль казалась мне просто невыносимой.

Яна так выразительно изобразила боль на своем лице, что я и сама ощутила фантомный дискомфорт и взялась за колено. Моя ненавистница в очередной раз попеременно окинула нас с подружкой свирепым взглядом. «Видимо, этой заразе снова есть что сказать», – рефлексом отбилась в моих раздумьях.

– А ты, Лаврова – не-нор-маль-на-я! Какого хрена ты поперлась к аллее? Нам красный уже загорелся! Или ты думала она без тебя не дойдет?

Ее испытывающий взгляд съедал меня по чуть-чуть. Я даже не догадывалась о том, что можно на это ответить.

– Не знаю, что со мной произошло. Мне... мне и самой это интересно.

– Ооооо, такая молодая, а уже проблемы, – Даша била себя сверху по голове четырьмя пальцами. – Ладно. Мне пора, – добавила она, надевая жилетку. – Ян, покажись обязательно командному врачу. Завтра игра все-таки.

Травмированная кивнула, а та, в свою очередь, схватив сумку правой рукой, а левой недоеденный кусок сырной кесадии, аккуратно и грациозно направилась в сторону выхода. «Наконец-то», – выдохнула я про себя. Дверь за ней громко захлопнулась, и я повернулась к девчонкам.

– Не обращай внимания, Лиз, – ковыряя вилкой в тарелке с салатом из неестественно яркой зелени, протянула Карина, после чего широко улыбнулась. – Ну и рожа у тебя была, когда мы вытягивали твое брэнное тело с дороги. Я даже тогда умудрилась расхохотаться.

Мои брови нахмурились.

– Я была без сознания?

Подруги переглянулись в смятении. У Карины салат прилип к подбородку.

– Да нет, – проронила она, вытирая лицо салфеткой. – Ходила. Вела себя только весьма необычно, но даже разговаривала с нами. Ты что, ничего не помнишь?

– Совсем, – потерянно замотала я головой. – А что... что

это значит: «вела себя весьма необычно?»»

– Нууу...ты нашептывала себе под нос что-то странное.

Что-то о врачах, реанимации и каком-то парне.

– О парне?

– Ну да. Кажется, ты тоже называла его врачом.

Я обмякла и слилась с диваном в единое целое.

– Наверное, это шок, – не преминула обойти стороной наш диалог Яна. – Я читала о подобных симптомах. Такое бывает. Это нормально, правда тебе все равно следует впредь быть поосторожней.

Я покачала головой и снова прильнула к стакану. Ненавижу морс.

* * *

На следующий день, на пути к свежестроенному СК «Олимпия», в этот теплый осенний вечер, свет, исходящий из возведенных через каждые два с половиной метра фонарей небольшого роста, озарял узенькую грунтовую тропинку, по которой как спортсмены, так и болельщики, могли добраться до любого значимого события или же просто посетить повседневную тренировку. А еще это место пришлось по вкусу любовным парочкам. Этаким оплот современной романтики. Во многих странах есть парки, скверы, набережные, которые у местного населения ассоциируются исключительно с уголком влюбленных. Они превратились в свои нравные достопримечательности, ставшие для людей чем-то традиционным и увековечившие себя в легендах, кото-

рые ныне слагают гиды в своих эксцентричных экскурсиях. Нашей же, скромной по масштабам, аллее лишь предстояло снискать подобную славу в далеком будущем. Здесь часто можно увидеть молодые дуэты, прогуливающиеся взад-вперед и предающиеся нежным объятиям, прислонившись к одному из холодных столбов и оставляя только тень страсти на освещенной тропинке.

А вот под крышей этого громадного здания, пока в воздухе вовсю кружила приятная суета, стоял кладбищенский мотив. Тишина гробовая. Так же бесшумно было и у нас в раздевалке, где мы уже пребывали в полном составе и пока что лишь завязывали шнурки на своих кроссовках. Никто не издавал ни единого звука. Был слышен каждый нелепый шорох. И да, на наш матч не придет никто, кроме родственников. Честно говоря, игры взрослой команды тоже не собирают аншлаги. Максимум человек 600. Спросите почему? Я затрудняюсь с ответом. Гандбол – олимпийский вид спорта уже очень давно, однако популярным он не является даже в тех городах, из клубов которых состоит сборная. Вообще, в нашей стране есть два вида спорта, облюбовать которые мы готовы на уровне внутренних чемпионатов – хоккей и футбол. Все остальное можно от нечего делать глянуть по телевизору и при условии, что уровень будет, несомненно, международный. А потому культ спорта в нашем занимательном деловом обществе остается лишь культом тв и массивных фитнес инструкторов. И все. Только так.

Меж тем я затянула на своей обуви последний забавный бантик, похожий на заячьи уши, секунду полюбовалась им, улыбнулась украдкой, а подняв голову стала очевидцем того, как многие девчонки со всей серьезностью готовились к предстоящему выходу на площадку: кто-то накладывал тейп длиною во все бедро, предварительно растерев его докрасна никофлексом, кто-то прочищал в умывальнике носоглотку, а некоторые и вовсе умудрялись зачем-то обнюхивать собственные футболки и футболки своих партнеров. Судя по всему, постирать их они так и не удосужились. «Кошмар», – всплыла в моей голове отторгающая реакция. «Ну, неужели ты теперь в вонючей играть не будешь?»

– Лиз, все в порядке? – раздался тихий голос с левого края.

Я повернулась в сторону. Яна уставилась на меня как на эротическую картину в детской художественной галерее. Мол: «что за дикость тут происходит?!»

– Да, я... просто немного задумалась, – с тревогой вырвалось из моих уст. – Ты сказала, что Борисыч поставил тебе укол.

– Угу. Он говорил, что у меня надрыв связок. Пригласил к себе в кабинет, любезно замешал как минимум дюжину каких-то цветастых жидкостей, в след за чем добавил в шприц мою кровь и ввел мне всю эту сборную солянку под чашечку. Как он утверждает, в скором времени все срастется, если избегать серьезных нагрузок. Так что сегодняшнюю игру

будет лучше, если я проведу в запасе.

В беседу вмешалась еще одна леди.

– Ты Александру Валерьевичу сказала?

Выдержав паузу, Яна с улыбкой взглянула на кабинку, расположенную напротив.

– Да, конечно, – ответила она чересчур уверенно.

Леди сразу же, как будто бы расцвела. Ее зовут Вика. На поле она занимает ту же самую позицию, что и Яна, поэтому, возможно, это один из немногих шансов заявить о себе как о достойно подрастающей конкуренции. Теперь на ее румяной физиономии читался откровенный мандраж.

– Тогда не переживай. Если что я готова тебя подменить, – промямлила она, задыхаясь.

Было отчетливо видно, что моя подруга ощущала себя не менее довольной в сложившейся ситуации. Если вы считаете, что она ни есть сама добродетель, то нам не о чем разговаривать. Этот ангел всегда был рад дать шанс кому-нибудь проявить себя, дабы для нашей команды стремление к лучшей игре стало ничем иным, как мэйнстримом⁴

Наш беседующий треугольник внезапно затих, поскольку гипсокартонная дверь, ведущая в раздевалку, издала резкий, преобладающий над остальными звуками, хруст. Однако прежде чем продолжить прямой эфир, мне хотелось бы немного вам рассказать о нашей команде. Она у нас дружная. Это раз. Кто-то лучше и быстрее добивается определенных

⁴ Мэйнстрим – главное, основное направление в какой-либо области.

личных успехов, а кто-то, естественно, медленнее. Как, в общем-то, и везде. Ярким выраженным лидером в нашем коллективе, как вы уже, наверное, догадались, является... Нет, нет, это не я. Это Яна. Она же, что вполне логично, и носит с давних пор на своей руке капитанский отличительный знак – повязку. Ее своевременные подсказки и способность тонко прочувствовать каждую из партнерш – качества просто бесценные. Вот. Ну а лучший бомбардир у нас Олеся – на ее счету огромное количество забитых мячей в последнем сезоне. По этому показателю я иду на второй позиции. Хотя несколько решающих голов в недавнем отборе на регион – именно на моем счету. Ладно. Пора возвращаться назад.

Дверь после хруста открывалась почти беззвучно. На пороге появился невысокий, плотно сложенный мужчина лет пятидесяти. Субботин Александр Валерьевич. Наш главный тренер. Он довольно харизматичный и едва ли не вечно носит на игры одни и те же бежевые, засаленные, словно тональный крем на жирной коже подростка, брюки и апельсиновую рубашку в гавайском стиле. Алоха⁵! Чаще он разговаривал спокойно и твердо, вследствие чего его голос внушал уверенность, а иногда и вовсе перевоплощался в оратора и напоминал радиоприемник с коммунистическими речами Ибаррури Долорес⁶

⁵ Алоха – распространенное гавайское слово, обозначающее приветствие, прощание, пожелание радости и любви.

⁶ Ибаррури Долорес – активный испанский деятель республиканского движе-

Аккуратно, ступая выверенными шажочками, он проложил свой путь до середины, заполненной под отказ, разделки и остановился в слегка задумчивом виде, опустив руки на пояс.

– Сегодня будет тяжелая игра, – искренне произнес он вступление. – Надеюсь, это все понимают?

Я молча кивнула. Девчонки проделали то же самое. Наставник не прерывался.

– Для них это последний шанс доказать, что они способны соперничать в этой группе с другими областными командами. В противном же случае – они вылетят. А значит, будут просто вгрызаться в каждый мяч! Игра будет ужасно напряженной и проходной уж точно не станет. Это я вам как доктор говорю. Поэтому я хочу спросить вас: сегодня все готовы на 100%?

Тишина. Головы опущены. Настрой запредельный. У меня засосало под ложечкой. Скривив отвратную мину, краем глаза я замечаю, как зашебуршала наша недавняя собеседница.

– Можно я выйду вместо Яны? – звонко прокричала она.

На лице тренера отразилось явное замешательство. Брови нахмурились так, будто для него это прозвучало чересчур неожиданно. Я повернулась к нашему капитану. Кажется, она тоже обеспокоена.

– В смысле вместо Яны? – недоверчиво проявил интерес

Валерич, с трудом сдерживая повышенный тон. – Я чего-то не знаю? – разводил он руками в недоумении. – Чижикова, что у тебя стряслось?

«Оей», – пискнула я в глубине души. Ответ последовал не сразу. Но Яна решилась.

– Два дня назад я почувствовала сильную боль в колене. А вчера Алексей Борисович сказал, что у меня надрыв связок и будет лучше, если эту игру я отсижусь на скамейке.

Теперь уже бровки у наставника были домиком. Он глубоко вздыхал и нервно потирал лоб ладонью правой руки.

– И что ты мне предлагаешь? Раньше сказать нельзя было?!

Бессовестная виновница грядущих ротаций смотрела в совершенно другую сторону и с ответом снова не торопилась. Узнаю свою подругу.

– Пусть Вика играет, – невозмутимо, серьезным тоном, произнесла Яна, обратив к ней свои очи. – Ведь я буду не всегда, а достойная замена должна иметься.

Валерич выдохнул. Все улыбались.

– Хорошо, – согласился он, превозмогая себя. – Вика, значит, ... выходишь на место Чижиковой. Остальные точь-в-точь как на пред игровой тренировке. Все помнят?

В ответ хоровой оркестр с единственным словом – «да».

– Тогда бегом на паркет! Давать установку вам уже некогда. Время поджигает. Ну? Кому-то особое приглашение нужно?

«Как знать», – подумала я, высматривая из сидячего положения как барышни, одна за другой, выходили из раздевалки. Мне хотелось покинуть ее последней, но Валерич не двигался с места даже когда мы остались наедине. Ключ валялся на подоконнике. Я потянулась за ним, но наставник меня тут же остановил.

– Я закрою, – сердито отрезал он. – Иди скорей на площадку.

Я застыла в полупозиции. Моя рука по-прежнему тянулась к пыльному подоконнику, а глаза поднялись чуть вверх, чтобы как можно лучше рассмотреть лицо Александра Валерьевича, с которым он произнес вышесказанное. И я была просто поражена. Его вид оказался настолько взволнованным и поникшим, что люди, пережившие минутой ранее конец света, по сравнению с ним выглядели бы нарочито спокойными. Зрачки в бездонных карих глазах уменьшились до размеров песчинки, а рот слегка приоткрылся. Я бросила взгляд в окно. Там никого не было.

– С вами все хорошо? – спросила я, повернувшись обратно.

Он явно мешкал, но немедленно сменил интонацию на более радужную.

– Не переживай за меня. Сегодня очень многое будет зависеть от того, какую игру ты покажешь. Не давай в обиду себя и девчонок. Дерзай, Лиза! – подхватил тренер мою руку и провел мимо своей фигуры в сторону выхода, хлопнув

дружелюбно ладонью по пояснице.

Я шла прямо и больше не оборачивалась. Исключение сделала лишь в самом конце, уже выйдя из раздевалки и повернув за угол. Притормозив, я с опаской выглянула из-за хрупкого косяка и посмотрела вовнутрь. Он все еще стоял там, повернутый спиной к выходу и изредка мотал головой из стороны в сторону, томно вздыхая при этом. Внезапно, пластик, за который я держалась рукой, довольно эпично хрустнул и Валерич резко повернулся к двери, на месте которой еще секундой ранее красовалась моя голова. Однако я успела ее убрать и в один миг прошмыгнула на лестницу, ведущую в игровой зал.

«Фух» – выдыхала я с облегчением, выбираясь наверх. «И что с ним такого произошло?»

На последнем пролете я встретила Вику, прижавшуюся лицом к перилам. Подойдя к ней вплотную, я аккуратно обняла ее за плечо.

– Хей, ты чего? – прильнула я губами к, покрытому волосами, уху.

– Ничего! Иди куда шла!

Это был голос отъявленной истерички. Она упорно закрывала свое лицо, но не нужно было видеть его, чтобы понять, как тут все запущено. Мое нескромное воображение в считанные мгновения воссоздало картину раскрасневшейся заплаканной рожицы, и я наклонилась, повторно убирая ее волосы за ухо.

– Ты из-за Яны? – проронила я шепотом.

А в ответ тишина.

– Слушай, я уверена она хотела, как лучше, – продолжала я скрупулезно шептать. – Тем более все получилось. Ты на ее месте сегодня играешь.

– Ага. Точно, – появился безликий гундеж. – Только Валерич...хнык...чуть голову не сломал сначала, когда...хнык...узнал, что Яна играть не может.

«Да уж. Ничего от тебя не скроешь», – сетовала я про себя. Мне нужно было как можно скорее вернуть ее в тонус, ибо до начала игры оставались минуты. Я немного поморщилась, а затем снова прижалась губами к мочке ее теплого уха.

– Тебе нужно успокоиться.

Вика тут же распустилась, словно цветок, и посмотрела на меня той самой, ничуть не отличавшейся рожицей – заплаканной и опухшей.

– Серьезно?! – всхлипывала она, изрыгая ярость.

От испуга я несколько растерялась.

– Да, – ответила я без иронии. – У нас впереди важная встреча. И ты, – впирая ей в грудь указательный палец. – Играешь сегодня на очень серьезной позиции, заменяя не менее серьезного игрока. Поэтому сосредоточься и не ударь в грязь лицом. Возможно, после этого Валерич перестанет тяжело вздыхать при звуке твоей фамилии!

Я произнесла это с чувством и пошла в зал, не отслеживая ее реакции. Мне казалось, это был мой психологический

максимум. На большее я не способна.

Площадка была заполнена спортсменками из обеих команд. Все разминались. Некоторые из девчонок продолжали делать растяжку, а остальные совершали несложные броски по воротам. Их, не шибко усердствуя, отражала наш первый голкипер – Дроздова Соня. Я встала на бровке, расположившись в паре метров от скамьи за воротами, на которой в гордом одиночестве, сложив ногу на ногу, пребывала Яна, попивая кислородный коктейль из маленького стакана. В отличие от остальных, мне было необходимо с нуля и в экспресс режиме подготавливать свое тело к предстоящему поединку. Таков удел опоздавших.

Нехотя посматривая за происходящим в зале, я увидела новоиспеченную Вику, стремительно пытавшуюся просочиться сквозь толпу никуда не спешивших девчонок. Быстрым шагом она приблизилась к нашему капитану и резким движением вырвала из ее рук природный напиток.

– Ты соврала, там, в раздевалке! – осуждающе выплескивала она. – Ты ведь не говорила ему!

Несмотря на откровенную ярость в претензиях, Яна по-прежнему улыбалась.

– Не говорила.

– Но зачем?!

– Чтобы у него было как можно меньше времени на принятие решения, – коснувшись ее руки на поясе, ответила Яна. – Теперь все в твоих руках, дорогоша.

Вика застыла. До этой секунды она лишь со стороны наблюдала за тем, как Яна живет командой. Но сегодня ей удалось ощутить в полной мере всю ее доброту. На экспрессивный диалог с запозданием среагировали остальные партнерши и подбежали к скамье, окружая парочку. Я с радостной физиономией продолжала тянуть обеими руками голеноstop.

– Что у вас тут происходит?! – командующим возгласом спросила Олеся.

Яна привстала и, зацепившись языками с кем-то еще, двинулась к противоположной скамье, в наглуую проигнорировав прозвучавший вопрос. В этот момент Вику, кажется, расколдовали, но взгляд ее по-прежнему был пустой.

– Чижикова! Я у тебя спрашиваю! – продолжала Олеся дышать огнем.

Но капитан была неумолима. Она, как никто другой понимала, к чему приводят междоусобицы и часто уходила от конфликта в буквальном смысле. К тому же в этот раз еще и раздался свисток, приглашая команды пройти на торжественное приветствие.

Все проходило в оперативной манере. Послушали гимн России. Пожали друг другу руки. Судье оставалось только одно: дать стартовый свисток и свести нас в битве. Но ко мне неожиданно подбежала Яна.

– Одну секунду, – показывала она поднятую вверх правую руку арбитру. Тот кивнул.

Я стояла в недоумении.

– Вот, дай сюда, – забирая мое запястье и натягивая на него уже потрепанную повязку действующего капитана, произнесла экс-обладатель этого почетного статуса.

Я тут же бросила свой взор на Олесю. Мне стало волнительно. Ведь это она только что примеряла на себя лидерство и участвовала с судьями в жеребьевке. Видок у нее был недовольный.

– Спасибо, конечно, но...

– Никаких но! – оглушительным выстрелом отрезала Яна. – Веди себя уверенно! У тебя все получится!

Я больше не успела сказать ни слова. Она сразу убежала назад. Мне все еще было не по себе. Поворачиваюсь к сопернику. Закрываю глаза. Свисток. Поехали.

Матч начался агрессивно. Провокации. Столкновения. Еще не образовавшиеся синяки. Однако в скором времени нам удалось захватить инициативу и уверенно предопределять исход поединка. На протяжении всего первого тайма, несмотря на весьма комфортное преимущество в счете, на лице Александра Валерьевича не дрогнул ни один мускул. Ни о какой улыбке, естественно, не могло быть и речи. Как – будто бы мысленно он находился совсем на другой планете. Возможно, там даже в гандбол не играют.

На перерыв мы ушли, имея весомый задел: 17:10. Площадку покидать не стали и пока все отдыхали и переводили дыхание, я внимательно следила за нашим тренером, ко-

торый, чуть сутулясь, о чем-то нервно шептался в стороне с молодым человеком в строгом черном костюме. Из-под пиджака выглядывал самый кончик тонкого синего галстука, а белая рубаша с накрахмаленным воротничком обладала неестественным блеском. Лицо и шея, смуглые как у обывателя Лиссабона⁷, что смотрелось весьма изящно на фоне его сорочки. Мне все это показалось странным. Сначала неясное поведение Александра Валерьевича, теперь вот какой-то мужчина, обольстительный и в очень уж деловом прикиде. «Может это владелец клуба?» – тонула я в переменных раздумьях. «Или спонсор? А вдруг это новый тренер?» Волнение бушевало и кипело внутри меня, но я всячески старалась не придавать этой ситуации особенного значения и сразу после свистка, правда немного лениво, отправилась на второй тайм.

Последующая половина игры проходила в том же ключе, разве что стыков и вспышек ярости, что вполне логично, заметно прибавилось. Этого следовало ожидать, ведь никакая команда, даже самая слабая, просто так мириться с поражением явно не станет. Так и случилось. В конце концов, на экваторе данного временного отрезка, вспыхнул настоящий, вытекающий из общей заряженной атмосферы, пожар. Олесья, попытавшаяся осуществить мгновенный переход из обороны в атаку сольным проходом по флангу, была наглым образом вытолкнута за пределы игровой площадки соперни-

⁷ Лиссабон – столица Португалии.

цей. С трибун полилась отцовская ненормативная лексика. Я подбежала к обидчице в полном негодовании.

– Ты что делаешь?! – импульсивно заорала я словно в рупор.

В ответ молчание. Я без промедления кинулась в драку. Крики, оры. В общем, любительский махач во всей красе. Совсем скоро стычка приобрела статус битвы, и участвовали в ней все поголовно. Ситуация абсолютно вышла из-под контроля. Со стороны могло показаться, что у нас тут Зимний дворец образца октября 1917. Революционное восстание, но никак не драка девчонок. Все голоса до единого, смешались в один общий крик. Кто-то валяется, прибитый к полу руками соперницы, кто-то, уже, будучи с разбитой губой или носом, пытался изо всех сил вытолкнуть горячие, будто бегущая с кратера лава, эмоции, нанося выверенные и невыверенные удары по любой части тела своего оппонента. Тренерский состав был совершенно бессилён. Данная заварушка, по меньшей мере, продолжалась ещё минут десять. В результате, разъяренных девиц подросткового возраста все же удалось успокоить. Но ни о каком продолжении игры не могло быть и речи. В связи с чем, матч пришлось перенести на следующие выходные, а наши тела в раздевалки.

Кабинки опустели почти в один миг. Душ отважились принимать лишь самые лихие бойцы. В том числе и Олеся. Обмолвиться хоть, одним словом у большинства не было никаких сил. Все они были потрачены в бесстрашном бою с

непримиримым соперником. Лишь у единиц, получивших отчасти славные ранения в виде потерянного зуба или ожесточенного укуса, все еще хватало адреналина, и они хлестались друг перед другом проведенными ударами в миновавшем сражении.

На все это я смотрела с улыбкой, сидя возле своих шмоток с босыми ногами. «Да уж. Надо собираться», – уговаривал меня внутренний голос. Скидав все вещи кучей в спортивную сумку, я принялась обуваться стоя. Голова кругом. Было бы неплохо присесть. Действую. Опустив голову вниз, я почувствовала, как обильно выделяется пот. Лицо выше бедер теперь подниматься отказывалось.

– Лиза, с тобой все нормально? – прозвучал издали голос Карины.

Я не могла разомкнуть уста. «Нет. Мне хреново, Кариночка. Но ты – то чем мне поможешь?» – свирепела я про себя.

– Лиза?

Голос был ближе. Прикладывая недюжинные усилия, я повернула свое бледное вспотевшее личико в его сторону. Карина взирала на меня испуганно и обостренно.

– Божечки! – прикрыла она ладонью открывшийся рот. – Да ты прямо позеленела!

Ощущение глубокого страха стало вполне осязаемым, но я держалась. Веки так и норовили разогнать нас с внешним миром по разным углам. Однако я не сдалась. Когда возле моего, почти бездыханного, тела скопилось полраздевалки,

мне все же удалось, крепко сжав кулаки, произнести цельное предложение.

– Похоже, ... голова закружилась, – выдавила я в пол.

– Это мы уже поняли, – раздалось в ответ отовсюду.

Пока я медленно приходила в себя, девчонки наперебой спорили о причинах моего неясного самочувствия. Через полминуты я уже могла спокойно поднимать голову. Внезапно, галдеж прекратился и из толпы выскочил растерянный Александр Валерьевич.

– Ты в порядке, Лаврова? – присел он на корточки и приложил тыльной стороной свои холодные пальцы к моему мокрому лбу.

– Кажется, да, – сказала я с облегчением и взглянула на румянистую Карину.

Она еле слышно добавила, что будет ждать меня в автомобиле отца. Я кивнула.

– Может тебя проводить? – назойливо продолжал Валерич.

Я устремила уставший взор на его сморщенный лоб.

– Спасибо, но... меня подбросят.

Наставник с пониманием принял отказ и немедленно разогнал всех барышень по домам, тем самым подарив мне возможность переодеться в полной тишине и спокойствии.

* * *

Закрыв раздевалку на два оборота, я с тягостью во всех мышцах преодолела показавшиеся бесконечными лестнич-

ные пролеты и, добравшись до вахты, отдала ключ лениво зевнувшему мне в ответ охраннику. Рядом с ним сидела хмурая женщина. На уровне груди, по правой стороне ее черной робы, также виднелась желтая надпись «Охрана». В моей голове тут же всплыла скорбная мысль о том, что этот тандем вряд ли сумеет защитить меня даже от мелкого жулика. Если конечно мужик не мастер спорта по тайскому боксу, а у женщины в кармане не припрятан чемпионский пояс по версии UFC.

– Вам помочь? – ворвался охранник с вопросом в мои раздумья.

От неожиданности я что-то неловко проямлила и быстрым шагом отправилась к выходу. Открыв дверь на улицу, я нарвалась на озноб. «Черт. Как же холодно!» – проворчала я вслух, застучав зубами и закутавшись по сильнее. Ускорив темп, я в считанные секунды добралась до автостоянки. Там, с зажженными противотуманными фарами, меня ждал большой черный внедорожник марки «Nissan». За рулем, скрестив под затылком руки в замок, сидел Каринин отец. Мой же, к этой минуте, так ни разу и не стал очевидцем ни одной из игр с моим участием. Свободного времени у него постоянно было ничтожно мало, а желание смотреть не столь рейтинговый, да еще и женский гандбол, видимо, напрочь отсутствовало. В общем, как-то так.

Избегая всякого рода опознавательных жестов, я подошла к задней двери машины и, потянув за ручку, отворила ее,

после чего без лишних слов сначала закинула сумку, а затем запрыгнула самостоятельно. Наполовину прикрыв свои усталые веки, я прижалась к холодному стеклу мягким розовым правым ухом. Карина заняла место на переднем сидении. Они с отцом, по очереди, внимательно осмотрели меня в зеркало заднего вида, словно внезапно заблудшую к ним попутчицу, и, не издав ни единого звука, мгновенно тронулись.

На большой скорости мы пролетали мимо теплого и холодного дорожного освещения. Дороги были пустыми, а на светофорах, казалось, вот-вот замигает безрассудный желтый оттенок. Нелепость произошедшей драки раз за разом заставляла меня тяжело и томно вздыхать, в связи, с чем стекло у моих губ даже слегка запотело. На этом мизерном кусочке для изобразительного искусства я тут же взялась вырисовывать свое короткое имя, через которое ясно просматривался окружающий мир. Наш путь в, так называемый, sweet home⁸ пролегал по мосту, повисшим над одной из самых длинных рек на планете – Оби. Поглядывая в буковку З., я легко догадалась, что за окном наша гордость, необыкновенно красивая как в светлое, но самое главное, конечно же, в темное время суток. Бугринский мост. Новое поколение. Новые вершины инженерных суровых будней. Новый город. И тишина. Наблюдая за тускло промелькивающими в запотевшем стекле огнями, я старалась отбросить посторон-

⁸ Sweet home – с англ. Милый дом.

ние мысли. Просто тонуть. Просто быть в нем. Быть его частью. Его несущей стеной. И дорогой в мир. Лучший мир.

– Ты молодец, Лиза! – разорвала тишину Карина, отогнав меня ото сна. – Ты сделала все, что от тебя требовалось. Повела себя как настоящий капитан.

Я выдохнула через обе ноздри, а уголки моих губ невольно потянулись к щекам.

– Спасибо. Наверное, по-другому я и не могла себя повести, – прозвучал от меня негромкий ответ.

В воздухе повисла недолгая пауза, которую бодрым голосом прервал Каринин отец.

– Вы все умницы, девочки. Я вами горжусь. Главное, чтобы вы всегда были такими сплоченными и сильными. Жизнь, несомненно, будет ставить перед вами различные трудности, но вы должны проходить их достойно. Вместе. Без сложностей никуда. Просто так Грааль на вас с неба точно не упадет.

Мы молча впитали произнесенный с душой им текст и теперь до конца пути пребывали в глубокой задумчивости. «Грааль» – повторяла я про себя раз за разом. «Слово то, какое красивое. Надо будет посмотреть в википедии».

Достигнув намеченного пункта через каких-то двадцать минут, мы припарковались между двух представителей российского автопрома – вишневой восьмерки и, вроде бы, лады «X-Ray». Отсюда до моего дома требовалось пройти всего один двор, поэтому я первая поспешила покинуть расположение автомобиля и уже собиралась крикнуть с небольшо-

го расстояния слово «Спасибо», как вдруг увидела, в темпе вальса обогнувшую машину, подругу, приблизившуюся вплотную.

– Лиз, подожди, – прошептала она.

Я удивленно взглянула на ее скрытый вид.

– Что случилось? – спросила я.

– Мне нужно тебя проводить.

– Думаешь, бомжи нападут?

Карина застенчиво улыбнулась.

– Нет, просто хотела поговорить.

– Валяй.

Молчание. Я уже было подумала, что она что-то забыла.

– Лиз, скажи, ты правда веришь, что есть шанс стать профессиональной спортсменкой? Просто мне всегда говорили, что если у тебя нет связей и денег, то за хорошую команду тебе не заиграть никогда. Получается, Даша права?

У меня рефлекторно образовался глубокий вдох.

– Ну, ...любую команду можно сделать хорошей...

– Но для этого нужны деньги?

Еще один вдох.

– Эм...нужно желание. А вообще...я думаю, что и заиграть можно. Ведь столько народу из глубинки, из не самых титулованных клубов выбиваются в чемпионы мира...

– Да сколько, Лиз?! Это счастливики! Настоящие счастливики. Таких, единица на миллион.

Я призадумалась. Пока мы медленно, на ходу, вели наш

большой диалог, мой подъезд приближался к нам, а речь подруги становилась более экспрессивной.

– Ну, чемпионов мира много не бывает, – риторически проговорила я с умным видом. – Ты и сама это знаешь. Что тебе мешает стать одной из этих счастливиц?

– Подготовка, которой нет. Опыт, квалификация, да что угодно.

Я лишь помотала головой из стороны в сторону. «Был бы человек, а причина всегда найдется» – подумала я.

В скором времени, окна, выходящие во двор из моей квартиры, оказались прямо над нами. Одно из них было слегка приоткрыто и до нас отчетливо доносились повышенные тона родителей. И это пятый этаж. Правда, разобрать хоть что-то из этой импульсивной дискуссии было чрезвычайно трудно.

– Ладно, Карин, я, наверное, пойду, – проронила я, не отрывая от приоткрытого окошка свой вдумчивый нерешительный взор.

Она сконфузилась и сильно поджала губы из сострадания.

– Пока, Лиза, – проникновенно и понимающе отвечала моя подруга, медленно разворачиваясь в сторону тропинки, по которой мы совсем недавно пришли.

Я проводила ее тоской в юношеских глазах. Было слышно, как под подошвами ее белых кроссовок хрустит мелкий щебень. Мне стало грустно. Семейные крики не прекращались. Я тихо зашла в подъезд, немного скрипнув второй де-

ревянной дверью, и нажала на кнопку вызова лифта. Двери открылись мгновенно. «Ну вот, Лиза, все не так уж и плохо», – успокаивал меня внутренний голос. Оказавшись взаперти, я сию минуту поднялась на необходимый этаж; однако там меня поджидал сложный выбор. Переступив пороги лифта, и дождавшись пока его двери за мною захлопнутся, я начала медленно покрываться мрамором, словно на меня взглянул молодой самодостаточный василиск. Заходить в квартиру мне совсем не хотелось. Ссоры между родителями хоть и стали чем-то обыденным и, по всей видимости, у меня должен был выработаться по отношению к ним приличный слой крепкого иммунитета, но ничего подобного, вроде безразличия, как ни странно, я не испытывала. Мне было все также горестно в эти минуты. Ладно. Смирившись с мыслью, что, рано или поздно, мне все равно придется зайти, я направилась к дверям квартиры с не очень благоприятной погодой. Остановившись в шаге от добела замазанной известковой стены, я нерешительно потянулась к звонку. Но тщетно. Слегка коснувшись его кончиками холодных пальцев, я внезапно услышала звук затрещавшей замочной скважины и, не успев ничего понять, просто увидела темноту...

* * *

Очень часто мы испытываем вполне характерную тревогу или волнение от потери всякой связи с окружающим миром, находясь, казалось бы, в привычном месте и даже не закрывая глаз.

Только вокруг темно. Каждый шаг требует от тебя максимум прилагаемых усилий. Чтобы добраться до места, где включается свет, нужно пройти солидное расстояние. Или нет?

В жизни всегда так. Каждый наклон, любое телодвижение, страх перед неизведанным, все действия для достижения определенной цели даются нам столь не просто.

Все из-за того, что, будучи зрячими и ясно и отчетливо видящими, мы не знаем, что за углом. Не видим, какие препятствия нас ожидают, принимаем правильные и неправильные решения, ориентируясь практически наугад.

В итоге мы, так или иначе, достигаем места, где зажигается свет. Но тот ли это будет выключатель на самом деле?

* * *

Меня разбудил откровенно сладкий и неумолимо резкий запах приготовленных кем-то оладий. Приоткрыв один глаз, я через тонкую пелену разглядела апартаменты вокруг меня. «Знакомая планировка», – всплыл в моей голове вывод памяти. Вот только год назад бабушкину мебель можно было сдавать в музей, а сейчас здесь красуется новехонький шифоньер-гардероб, стеклянный журнальный столик и угловой диван, на котором еще минуту назад я так сладко спала. Интересно, как я здесь очутилась?

Башка раскалывается. Звоном в ушах отдаются вчерашние крики родителей. Просто невыносимо. Тут же выяснилось, что я отлежала левую руку и, теперь, пытаюсь ее хоть

как-то расшевелить и избавиться от ужасных покалываний, большим и указательным пальцем я с упорством потерла веки. Однако, как оказалось, этого недостаточно. С не самым добрым лицом, зажмуриваясь от исходящего из окна яркого света, я принялась вставать. Мысль, что ситуацию прояснит вода, толкнула меня вперед и, слегка пошатываясь в мятой вчерашней футболке и синих джинсах, я проследовала по памяти в ванную комнату.

Опираясь на раковину и убирая назад свои грязные волосы, раз за разом, потирая с водой глазки, я внимательно рассматривала в висевшем напротив зеркале вчерашнее боевое ранение, полученное уже после игры. Царапина на лбу успела покрыться едва, лишь на ощупь, заметной корочкой. «Почти как у Гарри Поттера», – с ухмылкой возникло центральное место в моем ассоциативном ряду. Похоже, что данный резной отпечаток мне оставила минувшим вечером входная дверь одной нерадивой квартирки. Да уж. Перестав любоваться заспанной очумелой гримасой, я подставила свой затылок под толстую струю воды комнатной температуры и испытала настоящий, непередаваемый словами кайф. «Вот только бы не уснуть в таком положении», – опасалась я. В позе ломаной березы мне удалось продержаться еще секунд тридцать, пока спина не заныла. Убрав голову из-под крана и не открывая умытых глаз, я тремя пальцами нащупала полотенце и взялась старательно вытирать мокрые волосы. «Фух», – выдохнула я, оторвав от лица махровый, пропитан-

ный влагой рисунок. «А вот теперь олады и куча вопросов».

Покинув ванную, я, босой ногой намочив вычерченный в причудливый орнамент новый паркет, направилась в сторону приятного запаха. Кухня была открыта. Как только я с нерешительностью перешагнула ее порог, первое, что я услышала, это нежно сказанная фраза, сидящей во главе стола, бабушки:

– Здравствуй, Лизонька! Присаживайся скорей.

Мама, сидевшая рядом, подняла глаза и с ужасом начала рассматривать мой сморщенный лоб. Я же, в свою очередь, незамедлительно последовала совету и расположилась по соседству со своей взволнованной матушкой. Она прикусила нижнюю губу так, что казалось, вот-вот расплчется. Мне стало не по себе.

– Мам, ты чего? – растерянно спросила я исподлобья.

Она же, ничего не ответив, молча копировала кота из второго «Шрека», а спустя мгновение и самого огра, заключив меня в своих, необъяснимо крепких объятьях.

– Доча, Господи, прости мою душу грешную, – полился ее рев в мои, еще не обсохшие, сползающие по шее, волосы, после чего заплаканное лицо моментально вернулось в прежнее положение.

Я оказалась крайне ошарашена данной сентиментальностью.

– Не болит? – продолжала эта чудная женщина, дотронувшись до царапины большим пальцем и вызывая ответные

чувства.

– Нет, мамуль, я в полном порядке.

Очевидно, услышав долгожданное тепло из моих робких девичьих уст, она широко улыbnулась и ласково чмокнула меня в лоб. Телячьи нежности я терпеть не могла, а потому, молча приняв раскаянье, отодвинулась и не смогла обойти вниманием поражающий глаз интерьер. Вся мебель светила в таком натуральном блеске, будто еще пребывала на витрине «ИКЕА». Здесь у пожилой женщины было все: разнообразная техника от блендера до мультиварки, набора три ножей, посуда как в ресторане. И зачем, спрашивается, ей все это нужно? Одинокая пенсионерка, принимающая гостей ну от силы раз в месяц.

– Почему мы здесь? – решила начать я утро с самого, пожалуй, логичного.

Взрослые женщины глубоко вздохнули, переглянулись, в след за чем, роль ответчика на себя примерила более молодая.

– Мы с твоим папой решили, что будет лучше, если нам немного пожить отдельно. Ничего страшного и глобального не происходит, – убедительно добавляла она, при этом дрожавшей рукой поднося к своим опухшим губам фарфоровую белую чашку с горячим кофе.

Я снова подвинулась и наполнила взгляд глубокой иронией.

– Сколько же продлится это «немного»?

– Не знаю, доча. Может неделю, может две...

– А может год? Или лет пять? М? – причитала я, возмущаясь простотой сказанного. – Почему нельзя просто жить в мире и согласии как живут остальные семьи? Вы регулярно из-за чего-то ссоритесь, а достается в итоге мне!

Тут не выдержала и бабушка.

– Так, давайте лучше кушать, а то сейчас все остынет!

Я гневно смотрела в глаза испугавшейся матери, а она, в свою очередь, стыдливо их отводила. Мы, молча и беспрекословно взялись поглощать содержимое наполненных с горкой тарелок, но кусок не лез в горло. Не лез и все. Скулы были напряжены. Челюсти не работали. Устремив неподвижный взор в середину накрытого цветной скатертью столика, я томно и тщательно старалась переварить только что полученный жирный ломоть безрадостной информации. Все это выливалось в предположения, притом весьма смутные. О том, насколько может затянуться этот незапланированный переезд и зачем или из-за чего, вообще, родители так часто доводят собственные отношения до громких конфликтов. Теперь еще и неразрешенных. Мне казалось, что семья моя безостановочно рушится. Как самолет, у которого от износа отказал двигатель, резервного питания нет и крушение неизбежно. Однако там, где-то глубоко внутри, засела искренняя любовь к своему отцу, несмотря на его равнодушие к моим увлечениям. А потому все с грохотом разрывалось и с горечью билось о крепкие стены моей души.

– Я тоже не сторонница всего этого, – заговорила, вдруг, мама, сделав очередной глоток и поставив чашку рядом с надкусанной с краю оладушкой. – Но...мы с твоим отцом...так получилось...оба сильны характерами, – подытожила она, скривив губы. – И... мы не всегда можем найти компромисс, чтобы все остались довольными. Все это ходит вокруг тебя. Он пытается выстроить твою жизнь по учебнику, в котором всего лишь один, единственно верный, алгоритм твоего воспитания! А я говорю ему, что ты уже взрослая и...можешь сама принимать решения. Не спорю, нужно подсказывать, давать советы, ведь за плечами какой-никакой, но жизненный опыт. Однако в приказном тоне заставлять менять любимое занятие на бизнес-школу...это абсурд! У нас же не СталинГУЛАГ все-таки!

Эмоционально и импульсивно завершив речь с надрывом в тоненьком голосочке, мама угрюмо дожевала последний кусочек, запила его и нервно поставила чашу на место, отчего она рухнула на бок и закружилась. Пустая и беззаботная. Словно суслик во ржи, я замерла и с любопытством наблюдала за нею, пока бабушка не подняла ее и молча не наполнила из заварничка свежим чаем.

– Папа хотел, чтобы я бросила гандбол? – спросила я, задыхаясь.

Материнская ладонь коснулась моего локтя.

– Он и до сих пор этого желает.

Крепкий удар. «Лиза, держись», – убаюкивал меня внут-

ренный голос. «Только не падать. Черт. 10,9,8,7,6... вот, вот, хорошо. Приходим в себя. Отлично».

– Внученька, ты лучше скажи, оладьи то вкусные? – отвлеченно и с радостной физиономией заболтала моя прародительница.

Всеми силами я рисовала улыбку.

– Очень, баб, – привстала я с деревянного стула и взяла тарелку в правую руку. – Спасибо большое. Я пойду, доем в свою комнату.

– А что там у тебя?

Внезапный вопрос тормознул меня у самого выхода с кухни. Я решила не оборачиваться.

– Ну, ... сериал какой-нибудь посмотрю и все слопаю заодно.

– Тогда иди. Только не кроши там, хорошо?

Я выдохнула.

– Хорошо, баб.

Покинув утреннее застолье, я медленно кралась по узкому коридору. Через мгновение дверь в комнату оказалась передо мной и, подвинув ее босой ногой чуть вперед, я четко услышала пронзительный материнский крик.

– Лиза!

«Ну что еще?» – сетовала я про себя. Поставив тарелку на пол и закатив глаза, я с удрученным цоканьем вернулась обратно и встала на пороге, облокотившись на одну сторону. Мама снова кусала губу.

– Он все равно тебя очень любит, – дважды швыркнув, сказала она. – Не делай поспешных выводов.

«Любит. Конечно, любит. Роботов»

– Ты поняла, Лиз?

– Да, мам. Я поняла. Можно идти?

Бабушка равнодушно вышла из-за стола и подошла к раковине, чтобы помыть посуду. Мать отвернулась.

– Иди, – с горечью промычала она, сидя ко мне спиной.

Но задеть за живое меня ей так и не удалось. Услышав ожидаемый ответ, я пулей рванула в комнату, подняла по дороге олады и захлопнула за собою дверь. А потом растеклась по ней. Прижалась лицом. Закрыла глаза. «И почему он думает, что воспитывает игрушку?» – запротестовало мое сознание. «Отец хочет лишить меня всяких прав, вовремя дергая за нужные ниточки словно марионетку. Но ведь я человек! Мне 14 лет. У меня даже паспорт есть! Да и к тому же в нашей стране равноправие. Никакой похабной дискриминации. Или мне все-таки примкнуть к сообществу радикальных на всю голову феминисток?»

Отлепив себя от двери, я открыла глаза и с разочарованием на душе грохнулась на диван. «Корчить из себя Обломова», – подумала я. «Конечно, не стоит, но вставать и идти куда-то, сегодня, тоже не вариант» Склонив голову на бок, я заприметила, стоящий напротив, плазменный телевизор. Столик, на котором он разместился, состоял из трех полок. На самой верхней красовалась знакомая до боли приставка.

«У бабушки есть пирс тв?», – бросилась мне в голову мысль, в то время как я, прищурившись, убеждалась в этом и отказывалась верить одновременно. Не переставая удивляться оформлению квартиры своей прародительницы, я подняла, вновь брошенные на пол, оладьи и поставила на диван. Отыскала пульт. Улеглась поудобней. Включила пирс, затем зомбящик и решила скоротать денек за просмотром комедийного сериала – «Теория большого взрыва».

* * *

Я умирала со смеху, досматривая второй сезон. И хотя юмор в ситкоме был довольно-таки специфический, интеграция западного менталитета посредством тв, кино и литературы достигла полного его приживания. И мы, рожденные в конце 90х, нулевых и так далее уже никогда не будем восторгаться творчеством Леонида Гайдая, не уловим ход мысли Федора Достоевского, а как жить по потребностям не узнаем до следующей революции. Моя бабушка впервые сказала об этом, когда я прибежала домой с подругой, восхваляя новую комедию с Райаном Гослингом и пропуская шутки о голубых. «Как как ты сказала? Мужчины?», – делала она вид, что прослушала. «Девочка моя, это полный абсурд. Никогда их больше подобным словом не называй».

Поставив на паузу, я положила пульт рядом и кинула пустой взор в чистое большое окно. Незрелый грейпфрут, а скорее помело, плавно опускался за горизонт. «Неужто уже так поздно?» – изумилась я и вскочила, чтобы взглянуть на

часы. Девять вечера! Одуреть. Я зевнула, сняла с гаджета блокировку и бросила его рядом с подушкой. Что ж, сегодня хотя бы расстлаться лишний раз не придется. Забыв про комедию на телевизоре, я нацепила на себя, валяющиеся на стуле пижамные шорты, накрылась тонким пледом в бежевую крупную клетку и погрязла в его нежных прикосновениях к коже. Телефон вновь был передо мной. Аккуратно вдев вакуумные наушники в маленькие ушные раковины, я поставила проигрыватель на «play», опустила веки и утонула в загадочно притягательной музыке одного зарубежного композитора – Ludovico Einaudi. Фортепиано. То, что я слушала с замиранием сердца.

Тихая и спокойная мелодия в три счета меня усыпила, будто медведица Умку, и в следующий раз глаза я открыла только ранним осенним утром.

* * *

Иногда нам хочется, чтобы некоторые моменты длились целую вечность, а некоторые прошли как можно быстрее. Но единственное, что на самом деле для нас незаметно – это сон. Все остальное мы, так или иначе, прочувствуем.

* * *

Good morning, my dear reader!⁹ Проснувшись сразу вслед за петушиными криками, со спортивным рюкзаком за плечами, ваша юная героиня уже протаптывала тропинку до ближайшей остановки маршрутного транспорта. Одета сегодня

⁹ (С англ.) Доброе утро, мой дорогой читатель!

по моде и по погоде, благо добрая часть ее гардероба, по велению волшебной материнской руки, также подверглась переселению. Небо над головой все обильней покрывалось злостными тучами, только и ждущими, когда нисходящие потоки воздуха сменятся восходящими. Воздух свежел. Я чувствовала это при каждом вздохе. Опасаясь незапланированной помывки, я рефлекторно перешла на более шустрый шаг.

Уже на подступах, я разглядела подъезжающий полный автобус. «Да ладно?! Там даже встать некуда!» – в полной мере отразилось на гримасе мое возмущение, и я просто окаменела, раскинув руки в разные стороны. И откуда такой ажиотаж? На электронных часах фирмы «Tissot» ярко горели цифры – 9:25. Тренировка в десять. Отвожу взгляд от запястья и начинаю активно, словно геодезист, осматривать окружающую меня территорию. Людей не было. Ветки деревьев неохотно тряслись, противно шелестя желтеющими по периметру листьями, а форточки, одна за другой, в прилегающих к дороге домах, постепенно захлопывались. «Ну вот!» – внезапно восхитилась я увиденным пустым транспортом. Трамвай в поле зрения. Закончив в нерешительности крутиться на месте, я устремилась на всех парах к его характерному скрежету. Ноги занесли меня внутрь, и моему возбужденному взору открылся пустующий, мягко говоря, неприятно пахнущий салон, не заполненный даже наполовину. Его основу составляли неопрятные пожилые граждане. Их можно

понять. Возраст есть возраст. Я села на первое же попавшееся место возле дверей и слепила ладони, в надежде согреть их, между своими бедрами. Ехать все равно всего три остановки, а в запасе еще полчаса времени. Должна успеть.

И знаете, если у автобуса самое неудачное место нависло над колесом, притом обязательно задним, то у этого вида транспорта, похоже, куда понасыщенной. Где не упади, результат одинаков. Тутух-тутух. Тутух-тутух. И в этом ритме дребезжит все мое тело. Старая гвардия. Когда-нибудь их обязательно заменят на новые. С wi-fi. Но произойдет это еще очень не скоро.

Неспешно трамвай подходил к нужной мне остановке. На окнах уже виднелись мелкие, но частые капли дождя. С незримым страхом в глазах, я подвалила к дверям и, когда они отодвинулись на внешнюю сторону и освободили проход, выпрыгнула наружу, где меня уже поджидал небесный ледяной душ. «Фак!» – выразилась я вслух, накрыв голову курткой и пустившись в рьяное бегство. Дистанция до спорт-комплекса составляла еще метров триста. И все эти метры я преодолевала трусцой, эпизодически наступая в свежую грязь и, образовавшиеся в ямах, глубокие лужи. Хорошо, что я в темной обуви. Завернув за угол полувековой, наверное, пятиэтажки, я оказалась перед крыльцом дворца. Сменила бег медленным шагом, опустила куртку и зашла, как ни в чем не бывало.

В холле, испытывая большое желание поскорее согреться,

я мигом нашла искушенными глазками кофейный недорогой автомат, к которому моментально направилась подсластить свое нутро горяченьким шоколадом. Вокруг ни души. Утро. Воскресенье. Никаких соревнований не проводилось. Кого здесь можно увидеть? Наверное, только нас, в смысле команду, администратора и охранника, который, не сказать, что откровенно ловил мух и ковырялся в носу с плотно закрытыми глазками, судя по мине испытывая при этом истинное блаженство, но однозначно совершал самые незатейливые, порой безумно комичные телодвижения. М-да. Моя полиция меня бережет. Полностью осушив, отчасти приторный, стаканчик приятного густого напитка, я бросила его в урну с двух метров и, посчитав этот бросок довольно успешным, отправилась в раздевалку.

По дороге я встретила Свету, бренчащую целой связкой ключей. «Похоже, я последняя», – всплыла в моей голове вполне логичная мысль и со словами: «Привет. Как дела?» я обезоружила ее легким движением правой кисти, после чего продолжила свой странствующий путь в гордом задумчивом одиночестве.

Открыла раздевалку. Переделалась. Торопливо вымыла руки после разогревающей мази и на своих худеньких, но, однако же, крепких молодых ножках преодолела несколько коридоров, парочку лестниц и уверенно зашла в тренировочный зал, где девчонки уже бегали по кругу, задавая тон сегодняшнему занятию. Я попыталась незаметно вклиниться в

их ряды.

– Ай, блин, Лиза! – чуть взвизгнула моя одноклубница, когда я, забежав в толпу, наступила ей на ногу.

– Извини, Саш. Давно начали?

– Минут десять.

Я равнодушно отвела взгляд, дабы сформулировать дальнейшую мысль, в то время как пострадавшая дважды хлопнула по кеду ладонью, как бы отряхивая его. И все это на ходу. Смотрится крайне забавно.

– И что? Он даже ничего не сказал? – спросила я, кивая в сторону Александра Валерьевича.

Саша нахмурила одну бровь.

– Ты о чем?

– Ну...

– Ты об игре?

Я сделала такое лицо, будто меня внезапно разоблачили.

– Нет, нем как рыба, – продолжила она, отворачиваясь.

Мне показалось странным, что в стане бегущих разговор вели только мы. Обычно девчонки предельно живо общаются, обсуждают вчерашний день, шутят, кривляются, играют друг с другом. А тут бегут и молчат. Прямо не команда молодых девок, а строй армейский.

– Как ты, Лаврова? – словно уже подкалывая меня, неожиданно спросила Олеся. – Говорят, ты вчера едва кони не двинула?

– Не двинула и хорошо.

– Бе бе бе бе бе, – передразнивала она и счастливая убегала вперед.

Я старалась никак не реагировать на ее выходки. Однако точка кипения была уже близко. Хорошо, что есть Яна, которая вовремя окажется рядом, обнимет плечо и внесет умиротворение в мое страстное, кипящее Я.

– Все нормально, подруга. Я здесь.

И моя физиономия тут же преображалась. Я чувствовала, что нас теперь больше и мы в любую секунду дадим отпор.

– Почему ты вчера так быстро уехала? – точно обидевшись, спросила я у нее.

Она убрала ладонь с моего плеча и шутливо ущипнула за поясницу.

– Бабушка позвонила. Нужна была помощь.

– Что-то случилось?

Яна с удивлением взглянула на мой натуральный испуг.

– Да нет, Лиз, – как бы успокаивая, проронила она. – Просто в продуктовом затарилась, а сумки донести не могла.

Я изумилась.

– Тяжелые они, Лиза, блин! Успокойся.

Я кивнула, представляя, как старая женщина тяжело вздыхает на скамейке у магазина, а потом к ней героически подлетает пионер-внучка и забирает полные пакеты месячной нормы продуктов. Бабушка родилась при Сталине. Поколение доверху забитого холодильника и погреба в жилом доме.

Пробежка закончилась. Далее мы выполнили растяжку, передачи в движении, поделали броски с места, с другого места, затем несколько игровых упражнений, на которых всю команду буквально накрыло волной позитива. Все смеялись, а я с превеликим удовольствием наблюдала за этими приятными коррективами в настроении клуба. И все бы ничего, да только сзади неожиданно кто-то подкрался и закричал прямо в ухо:

– Лаврова, берегись!

Я в ужасе отпрыгнула в сторону. Яна стояла рядом и разрывалась от хохота.

– Лиза, черт возьми, с каких это пор ты такая пугливая? – обратилась она, прикрывая искренний смех ладонью.

Я наклонилась вперед и тяжело выдохнула.

– Ты сумасшедшая.

– Ничего подобного! – возмутилась она. – Просто настроение хорошее. Кстати, сейчас уже играть будем. Валерич нас поделил. Я к нему подходила – мы в одной команде.

«Классно», – подумала я. «Надеюсь, запас подобных шуток себя исчерпал».

Звучит свисток. Все послушно собираются в одну линию в середине площадки. Наставник становится перед нами и негромко – вполголоса зачитывает составы на грядущую двусторонку. Под самый занавес прозвучали и наши с Яной фамилии. Все девчонки судорожно заохали.

– Каждое противостояние до пяти забитых мячей, – бур-

но завершал свою речь Валерич. – Ладно. Быстрее начнем – подольше поиграем. Поехали!

Получилось три команды. Наш супер дуэт первую игру проводил на лавке, оценивая результативные действия двух других противоборствующих коллективов, хихикая над каждым корявым пасом и утопая в овациях при виде красиво разыгранных комбинаций. Свист. Сарказм. Залихватские выкрики, типа: Огонь! Красава! А также гласное УХ! В порыве ультрас, я невольно заметила краем глаза, как моя лучшая подруга периодически массирует свое больное колено. Болит, наверное. Не знаю почему, но я приняла решение не подавать виду и вести себя самым обычным образом.

– Зачем ты дала повязку именно мне? – спросила я, не отвлекаясь от просмотра игры. – Ты же видела, что Олеся взяла на себя обязательства?

Яна чихнула.

– Будь здорова! – поддержали ее Даша с Мариной, сидящие по соседству.

Сказав в ладони жеваное «Спасибо», она развернулась ко мне.

– Олеся слишком высокомерна. И больше настроена на личный успех, чем на общий.

Это правда. Яна отлично понимала отведенную капитану роль.

– Капитан, ведь, Лиз, это не тот, кто сильнее, а тот, кто нужнее. Человек, к которому прислушиваются, за которым

пойдет команда. Сколько у тебя синяков?

– Ни одного, – отвечала я, недоумеваю.

– А почему?

– Эм...

– А потому, что ты видела лишь спины своих сестер. Они ведь тебе как семья, – обвела она взором всю игровую площадку. – А в семье принято защищать близких. И они это сделали.

По коже без остановки забегали крохотные мурашки. Как дороги и пронизательны для меня, порой, оказывались слова. Ее слова. Врожденный альтруизм – святая ниша для человека. И моя подруга казалась бесценной. Той, кто никогда не предаст, не обманет и не выставит в худшем свете. Живущей ради всех. Всех без исключения.

Внезапно тренер, по совместительству подрабатывающий в данный момент судьей, не дожидаясь окончания матча, медленно положил свисток в боковой карман своей олимпийки, окрашенной в цвета сборной России, и направил свой широкий, но в то же время интригующий, шаг в нашу сторону. Мы с Яной естественным образом насторожились, в небывалом доселе темпе поразмыслив над тем, к чему может быть приурочен этот визит. Но ни одной приличной гипотезы в голову не пришло. А меж тем наставник неминуемо сближался с нами и, в конце концов, подошел с каким-то, как мне показалось, устрашающим видом. Мерно он положил руку мне на плечо, отчего я, бьюсь об заклад, проглотил-

ла бы от волнения камень.

– Лаврова, Чижикова, пойдёте со мной, – проговорил Валерич спонтанно, подмигнув каждой из нас по очереди. Мы неловко агакнули, посмотрели вопросительно друг на друга и проследовали за ним. Он шел по темному, слабоосвещенному коридору, покинув зал не со стороны раздевалок, а с другой. Не знакомой ни мне, ни Яне. Такое ощущение, что нас отправили в форт-боярд. Понастроят же. «И куда мы вообще идем?» – уныло размышляла я про себя, пока запиналась обо что-то мелкое, звонкое, металлическое. Будто услышав мои молитвы, тренер тут же остановился и вставил ключ в замочную скважину. Зря только растерялась.

Внутри его переполняли, завоеванные в разные времена, кубки и грамоты, грамоты, грамоты. А также десятки медалей некоторых спортсменов. Якобы выдающихся. Но я их не знаю. Александр Валерьевич довольно грациозно обогнул, стоящий у стены, черный как ночь, стол и уселся напротив. Мы же напоминали оплошавших школьниц в кабинете директора. Вероятно, ему это льстило и он, прижав пальцы один к одному и сложив на них подбородок, принял строжайший вид.

– У каждого из нас, рано или поздно, в жизни случается что-то такое, ... что переворачивает все с ног на голову. Чаще всего это происходит именно тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем. Когда мы меньше всего к этому готовы. ... Вот, что становится определяющим. Вот, что проверяет нас

на прочность. Понимаете, о чем я?

Из вышесказанного, должно быть, я усвоила лишь последнее предложение. Непостижимое бравое красноречие ввело меня в ступор. Этим словам, пожалуй, недоставало грустной мелодии. Валерич, со своим торчащим из расстегнутой олимпийки пучком темных витых волос, на Аль Пачино из «Каждого воскресенья», конечно, не походил, но завораживал нас с Яной в действительности. И это немного пугало. Или много. Я перевела взгляд на искаженное отражение головы наставника в одном из трофеев и подумала, что настало время ответа. Подруга вновь ущипнула за поясницу, вызывая меня, вероятно, к безмолвному псевдо консилиуму. Посмотрев друг другу в глаза, и поиграв бровками, мы произнесли наше мнение более чем синхронно.

– Не совсем, Александр Валерьевич.

Он тоскливо скривился и начал шарить среди тетрадей, лежащих у него на столе. Вытащив самую тонкую, Валерич открыл ее в месте, где не было ни одной записи. Нахмурился. Наслюнявил пальцы. Перелистнул. Снова пусто.

– Месяц назад, – ударился он в разъяснения, созерцая чистую клетку. – Порог этого самого кабинета переступил один очень влиятельный человек. В мире спорта он значителен как менеджер по подбору игроков.

Я проворачивала в мыслях события позавчерашней игры и искала там образ мужчины в строгом костюме. Уже тогда мне показалось странным его присутствие. Наставник про-

должал говорить.

– Он путешествует по стране в поисках талантливых молодых девчонок, у которых при должном отношении и амбициях может появиться возможность заявить о себе на мировом уровне. Но для этого предстоит приложить нечеловеческие усилия. Терпеть, но, стиснув зубы, идти к своей цели.

Его речь становилась эмоциональной. В моем сознании появлялись догадки. Но я не решалась. Не могла... просто не могла поверить во все это. Взирая на Яну, смущенную, краснолицую, я искренне удивлялась. Такой мне ее видеть ни разу не доводилось.

– Вы хотите сказать... – неуверенно взболтнула моя подруга, вытянув руку перед собой и указывая, тем самым, на незаполненную тетрадь.

– Что, Чижикова?

Яна замаялась. Я попыталась прийти к ней на помощь и наконец, изложить догадки.

– Нас куда-то берут?

Валерич улыбнулся на одну сторону и еще раз перелистнул. Теперь его взору, да и нашему тоже, предстали какие-то записи.

– Он на протяжении месяца следил за вашей игрой, – будто бы прочитал наставник в своей тетради. – Видел ваши яркие победы на региональном отборе. И сделал у себя в записной книжке кое-какие пометки. Показать?

Я онемела.

– Конечно, – радостно выдавила подруга, щипая за поясницу.

Валерич развернул тетрадь в нашу сторону и подвинул на край стола. Мы подошли ближе. Склонили головы. Мелким прописным почерком было ясно написано: «7 и 12 без рассмотрения. Чем быстрее, тем лучше. Вопросы по поводу проживания улажены как вы и просили. Жду звонка. Александр»

– Что это значит? – спросила Яна, задыхаясь от неугомонных волнений.

Наставник перевел взгляд на меня, видимо, в надежде, что я догадалась о скрытом смысле послания. Однако, довольно-таки опрометчиво. Башка не варила у нас у обеих. Увидев, что наши уста не размыкаются даже на миллиметр, он облокотился на спинку стула и, кажется, пригорюнился.

– Ну, во-первых, – достал он конверт из-под календарика. – Он зачем-то отправил мне эту тетрадь с почтового отделения в соседнем районе. Видимо, он человек великого романтизма, и сообщения в твиттере, вотс апе и смс ему чужды. Ну а во-вторых, – положил Валерич тетрадь на стопку и, демонстрируя свой оскал, пристально всматривался в наши глаза. – Ну, вы чего, девки?! Это ведь ваши! Ваши номера!

Ущипните меня.

– И ты, – качнул головой наставник в район моего живота. – И ты, – проделал он схожий трюк с Яной. – Теперь едите...

– В другой город? – порозовев, перебила моя подруга.

Наставник выпучил оба глаза, взглянув на нее с долей сомнения.

– Чижикова, ты своего тренера в могилу хочешь свести? Конечно, вы едете в другой город!

– Из какого он клуба, – спросила я с дрожью в голосе. – Этот... как его там...

– Менеджер?

– Точно.

Валерич снова заулыбался.

– Этот клуб – один из составляющих фундамента нашей сборной. Серебряные призы Российской Суперлиги в минувшем сезоне. Этот клуб – «Лада».

* * *

Мы бежали домой сломя голову. Внутри каждой из нас разрывался маленький динамит с неопишуемой будоражащей эйфорией. Эндорфины выскакивали наружу в виде глупой улыбки, мысли были сконфужены, ноги, как следствие, заплетались, а еще ведь промелькивало волнение. Необъятное, недюжинное оно заставляло сердце выпрыгивать из груди. В эту минуту я, наконец, поняла, где зародился плод последнего конфликта между родителями, и мне хотелось, как можно скорее попасть домой. Не слыша никого и ничего, полностью затуманив сознание, я с горечью прокручивала моменты последних изречений наставника.

– Квартирu вам предоставит клуб, – произносил он так,

словно вынужден был оправдываться. – Вы будете жить в ней втроем. Из взрослых на переезд в Тольятти у меня существовал только один вариант. И я очень боялся этот шанс упустить, потому что без родителей – в интернат, мне вас отпавлять совсем не хотелось. Поэтому два дня назад, Лиза, я разговаривал с твоей матерью. Она замечательный и решительный человек. Вы едете с ней.

«...два дня назад, Лиза, я разговаривал с твоей матерью, твоей матерью, твоей матерью...» – крутилось безостановочно в моей голове.

Яну, в свою очередь, также ждал непростой, драматичный шаг – ей предстояло проститься, возможно, даже, как это ни пафосно, цинично и, к сожалению, столь же прискорбно, навсегда со своей единственной престарелой сожительницей – родной бабушкой. Можно только представить себе всю натянутость этого горького расставания. Ведь больше у Яны не было никого.

Домчав до перекрестка, которому отвелась роль нашего с ней разлучника, мы не сказали друг другу ни единого слова. Лишь трогательный перегляд на прощание. Но мысли были у каждого о своем. О личном.

Я шла домой сконцентрировано, пересекая детские площадки, обводя песочницы и качели, минуя малые и большие дворы один за другим. Со мной любезно здоровались бабушки, сидящие у подъездов. На этом жилом массиве меня знает каждый пенсионер. Пожилые люди, как известно, довольно

часто общаются между собой, и каждый хвалит своего внука. Или внучку. Ну, это и так понятно. Однако на их теплое: «Здравствуй, Лизонька», я нынче отвечала полным затишьем, лишь слабо кивая в сторону широко улыбнувшегося старика или старушечки. А потом снова смотрела вперед и шла дальше.

Спустя считанные минуты, я добралась до входной двери. Вставила ключ. Один оборот. Теперь надавить. Еще один оборот. Открыто. Захожу внутрь, запираю дверь за собою и, не мудрствуя лукаво, словно пущенная Робин Гудом стрела, влетаю в мамину спальню.

Она сидит на краю постели, не заправленной, перекошенной, накинув на себя лишь голубой махровый халат. Я решаю начать диалог с порога.

– Отец не хотел, чтобы мы уезжали, да?

В воздухе повисла неловкая пауза. Мама настороженно повернулась.

– Подойди, доча, – обратилась она виновато.

Невооруженным глазом можно было заметить, что она вот-вот прослезится. Опять. Я хотела ей закричать: «Прекрати!», но вместо этого подошла с опущенной головой и присела на голые, должно быть, ледяные колени унывающей женщины. Она без особых раздумий заключила меня в распростертые ласковые объятия, прильнув своими губами к моему уху.

– Я всегда говорила, что буду бороться за твои мечты, –

сказала матушка жарким шепотом. – Чтобы отец не планировал твою жизнь от и до. У тебя есть шанс – нужно его использовать.

Я сжалась.

– Он просто любит нас и поэтому не хотел отпускать.

– Возможно, – отпрянув назад и стряхнув слезу со своей щеки, мама согласилась со мною. – Нет, в смысле, что любит то – это точно. Но знаешь, Лиза, когда мы были юными, мы грезили о полетах в космос, о создании музыкальной группы с романтическим названием, ...а в итоге... в итоге мы выросли и выбирали совсем иные пути. Бухгалтера, инженеры, филологи. Нужные обществу профессии, так сказать, – пожалала она плечами и скорчила лицо безнадёги. – Кто-то даже собирался издать роман и сколотить на его популярности, а затем и экранизации, целое состояние. Но лишь крохотная часть осуществляла свои мечты. На это влияло множество факторов: возможности, истинное желание, мнение родителей...

– Мам!

– Нет, серьезно. Пойми, я очень хочу тебе помочь. А отец твой – прагматик. Нестандартные жизненные маршруты – точно не его страсть. Он только и делает, что твердит раз за разом: «Порядок должен соблюдаться во всем! Порядок в действиях, порядок в делах, порядок в голове, в конце то концов!» Понимаешь? И подход у него, соответственно, весьма и весьма скептический к твоему желанию стать вели-

кой спортсменкой.

Не помню, чтобы в словах мамы я когда-либо видела столько гнева по отношению к своему отцу. Я немного поерзала, спрыгнула и прошла в другой конец комнаты, после чего спросила:

– Вы будете разводиться, да?

Она переменилась в лице.

– Эм...

– Да или нет, мам?

С ее уст медленно пропадали губы. Глаза наливались водой и становились хрустальными. Мне стало тошно, постыдно за давление с моей стороны и я бросилась к ней, чтобы обнять, успокоить, утешить. Но поздно. Она вздох зарыдала, скрыв голову под, уже промокшим насквозь, халатом.

– Я не знаю, Лиз, – громко вырывалось оттуда.

Меня охватила паника. Я поняла, что необходимо выравнять ситуацию, но боялась потянуть не за тот рычаг. Грустно. Противно. Совестно. Тут как бы самой не заплакать. Внезапно мама вырывается из объятий и падает на кровать, сворачиваясь в клубочек. Я ложусь рядом и прижимаюсь губами к влажной ворсистой ткани, предположительно в области ее уха.

– А представь, – произнесла я с живым позитивом. – Если я возьму и утру всем нос? Выиграю золотую медаль, и такая подойду к камере, которая вещает на всю страну, покажу язык и скажу: «Это ему, мам!» Круто?

Она убрала халат со своего отстрадавшего лица, вытирая им сопли, и гласно расхохоталась, хрюкая как поросенок.

– Очень, – сказала она, не переставая хихикать. – Я думаю, ему будет поделом.

– Я тоже.

Мы смотрели друг на друга любящими глазами.

– Ты моя умница, – прозвучал ее сладкий шепот, а пальцы нежно коснулись моих бровей, поднимаясь выше и раздвигая, словно кулисы, упавшую челку. – Александр Валерьевич сказал тебе, когда, ориентировочно, выезжаем?

– В конце месяца. Он решил, что этого будет достаточно, чтобы мы успели собраться и попрощаться с родными и близкими. Ну, разумеется, на какое-то время. А я даже успею сыграть, перенесенную на следующие выходные, игру.

– Ну и здорово.

Мы искренне улыбались. В комнате стало заметно тише. Мама, кажется, окончательно прекратила перманентное швыркание и слезопускание. Быть может, пару раз еще жмакнула, в свой голубой домашний прикид, но на этом посторонние звуки уж точно себя изжили. Я молча наблюдала, как светлеет и высыхает ее лицо. Мне было отраднo, что удалось найти способ развеселить, поддержать, а самое главное – вернуть такое желаемое любвеобильное настроение. Мама снова прикусила губу. Однако, в этот раз, уж точно от удовольствия. Я в этом была уверена, как никогда.

* * *

Над рельсами красуется надпись: «Сибирская». Видимо, я в метро. Ступни, в неказистых черных балетках, разглаживают совсем свежую наклейку лимонного цвета с изображением стрелок. Здесь, по задумке, открываются двери вновь прибывшего вагона поезда. На мне пальто из молочного шоколада. Оттенок приятный, но вижу его впервые. И эта обувь... В левой руке чувствую телефон. Поднимаю его к груди. Какой-то жутко тяжелый. Большой палец прикладываю к центральной, единственной кнопке. Блокировка снята с помощью отпечатка. Так... «вам пришло сообщение». Sms что ли? Ни фига не видно. У меня что, дальнзоркость? Мэссэдж от...

Кто-то хлопнул ладонью мне по плечу. Я обернулась.

– Девушка, простите, вежливо раскланялся передо мной незнакомый парень. Длинные прямые черные волосы и выразительные голубые глаза. Пухлые губы и родинка на щеке. Одет по-простому: легкая куртка, потертые джинсы и кеды. – У вас, кажется, что-то выпало из кармана, – обратился он с нарочитым изяществом.

Я бросаю взгляд на пол и обнаруживаю маленькую алую розу, брошенную между балетками. В мгновение, оценив по достоинству оригинальный способ знакомства, возвращаю взор в исходное положение. Парень исчез. Куда он делся? Мои зубы напористо застучали от неожиданного мороза по коже. Станция будто превратилась в коварный бункер для заморозки. Я взяла себя в руки в буквальном смысле и па-

нически заметалась глазами по всей платформе. Кроме меня, здесь, наверное, человек пятнадцать, но их поведение в высшей степени носило дежурный характер. Так ведут себя все и всегда, ожидая прибытия поезда. Напевают от скуки мелодичные попсовые треки, лазают в телефонах, приплясывают, нервно посматривают в сторону электронного таймера и вздыхают. Воспитанного юноши как небывало. Из рупора громко, но совершенно невнятно, доносится женская речь. Я снова озираюсь по сторонам. Тоннель постепенно стал наливаться яркой снежной лавиной, освещая каждую железяку, блеклые стены и рельсы. «Очевидно, объявляла о прибытии поезда», – мотнула я в голове причинно-следственную цепочку и вновь уместила обе ноги на желтой наклейке. «Сибирская» – замерцало в камне перед моим волнительным взором. Сердце застучало быстрее.

– Хей! – звучит знакомый голос из-за спины.

Я разворачиваюсь и вижу его. С улыбкой и снова тонущего в поклонах.

– Кто ты такой?! – захрипела я, надрывая связки.

Он улыбнулся еще сильнее.

– Люди лгут и убивают, разоряют и заставляют страдать. Прячутся, чтобы не принимать участия. Труссы! Так кто же твой главный враг на пути к идиллии?

Парень изменился в лице на суровый лад. Мне стало невыносимо боязно. В голове кавардак. В душе караул. Я облокотилась на невидимый поручень и скованно слушала, как за

моей спиной нарастает гул приходящего поезда. Он молчал, хмурился, затем снова широко улыбнулся, а я смотрела на него с неистовым подозрением, пытаюсь осознать суть каждого его слова.

– Что тебе нужно?! – вскрикнула я от бессилия. – Я не понимаю!

– Скоро ты все поймешь, Лиза, – ответил он с хладнокровием законченного серийника и толкнул меня прямо на рельсы.

Невидимый поручень больше не создавал опоры. Я чувствовала, как из-под ног уходит земля. Замираю в воздухе. Гул поезда стал необъятен, свет непрогляден, а этот парень глядел сверху вниз на то, как сокрушается моя жизнь. Я падала прямо на рельсы. Напряженные дребезжащие рельсы...

* * *

Моя голова взлетела над мокрой подушкой, оставив на ней несколько волосинок. Я никак не могла отдышаться. Роняю затылок обратно и чувствую, как пропитанная моим потом подушка, мгновенно замерзла. Перед глазами был потолок. Обычный, белый, еще не истершийся потолок. Я снова оторвала от мягкого подголовника свою шею и влажный затылок, скинула одеяло и села на самый краешек, свесив ноги, закрыв глаза и прижав к вискам горячие подушечки своих пальцев. «Это всего лишь сон, Лиза. Просто сон», – вторила я себе едва ли разборчивым шепотом.

В течение последующих двух часов мое сознание без

умолку твердило об этом. Я умылась, оделась, покушала, собрала сумку и вспомнила, что телефон остался под одеялом, в то время как затягивала бантик на левом ботинке. Воспользовавшись ситуацией, что дома никого нет, громко и нецензурно два раза посетовала вслух о случившемся и добралась до комнаты на карачках. Когда гаджет оказался в моей руке, я взглянула на текущие часы и минуты. «Кажется, мне пора», – подумала я и отправилась в путь.

* * *

Прямой автобус от бабушки, конечно же, ходит, и через двадцать минут моя пятая точка как раз продавливала заднее сиденье одного из таких, но расстояние до учебного заведения, да и утренние, такие любимые мегаполисом, пробки, вселяли ужас и страх в каждого, без исключения, пассажира пыхтящего, неповоротливого «Лиза».

Я сидела у окна и смотрела под ноги. Всюду была зашарканная серая грязь. После вчерашнего ливня земля подсохла, а пол в автобусе, естественно, вовсе не пол в туалете торгового центра и мыть каждые два часа, да и вообще мыть, его тут никто не станет. Глядя на обувь людей, стоящих в обнимку и державшихся только за счет того, что мальчик с большим портфелем, крепко вцепившийся в поручень, послужил для них однозначной опорой, можно сделать аналогичный вывод. Сапоги у дамы словно облили грязевым шлангом, а кроссовки ее высоченного бойфренда когда-то, наверное, имели белый оттенок, однако сейчас они служат при-

бежищем для глиняных хлопьев. «Такая не ухоженность – это изъян, а не повод для аргументов», – твердила мне мама, показывая как-то в Нарымском сквере на уделанные пятки мужских ботинок. Я кивнула ей и с тех пор смотрю на мужчин в грязной обуви с отвращением. Уставший взор я перевожу в окно. За ним все казалось каким-то призрачным, несущим только уныние. Погода все не хотела становиться теплой и солнечной, и сердце неуклонно сжималось от заведомо назревавшей тоски по родным местам. Впереди новый город, новые друзья. Неподдельное ликование меркло с дыханием печали и ностальгии. Мгновение. С каждой секундой отпускать его хотелось все меньше и меньше. Как будто скованная цепями, я, изо всех сил, пыталась выпутаться из них, но Гудини из меня образцовый, явно не вышел. Запрокинув голову, закрываю глаза и прибавляю в наушниках громкости. Теперь, вплоть до нужной остановки, мои веки не подымались, а трек «Divenere» оказался во власти повтора.

«Следующая остановка – стадион Сибирь», – раздался из динамика шипящий неуловимый хруст, пробудив меня ото сна. Я подскочила со своего места и бросилась зачем-то в середину салона, едва не растеряв по дороге все документы.

– Стойте! Я здесь выйду!

Все вокруг окинули меня злобными взглядами, но все же транспорт остановился. Выпрыгнув из дверей с хомячиным пульсом, я на секунду притормозила, озираясь по сторонам. Фух. «Не спать, Лиза», – бубнила под нос служба безопасно-

сти моего организма.

Ступая вдоль монолитных домов из камня, мне, откровенно говоря, пришлось столкнуться с целыми озерами жидкой грязи. «Ну и ну. Не везде, как оказывается, сухо», – мыслила я про себя, то перешагивая, то пускаясь в обход этих мерзких кратеров. После ночных забав, которые устроил господин Дождь, я не могла поднять головы. То одна лужа, то другая. На мгновение отвлечешься и бац! – уже по колено в воде. Только ударившись ботинком о крыльцо школы, мне удалось взглянуть прямо перед собой. Открыла рот, высунула язык и зашла.

Стоило старым громоздким дверям громко хлопнуть за моею спиною, как я вмиг ощутила на себе прикованное внимание юной публики. Они напоминали мне первобытных зевак, которые пришли посмотреть, хоть одним глазком, будучи людьми, совсем не богатыми, выставку эксклюзивных автомобилей. А я, точно пяти колесная модель «мерседеса», дефилировала на первой скорости, восхищая и покушаясь на неодобрительный взгляд каждого из этих глупых привередливых снобов. Мне было трудно не замечать их. Я прошла мимо гардероба, не раздеваясь и с прытью сайгака, домчала до третьего этажа. На протяжении всего моего пути до кабинета русского языка и литературы, очная атака и не подумывала сходить на нет. Девочки, мальчики, все в красивых блузках, брюках и пиджаках, беззастенчиво провожали меня упрямыми взорами. «Ужас», – прикрыла я лицо учеб-

ником в зеленой обложке. Суший бестактный пустяк тут же перестал меня напрягать.

Застыв в полуметре от открытого нараспашку класса, я убрала литературу обратно в сумку и глубоко вдохнула. Выдохнула. Еще раз вдохнула.

– Лиз, ты чего? – вынырнул прямо передо мной, словно наполовину вкопанный, мальчик в круглых очках и съехавшим на бок фиолетовом галстуке.

От неожиданности я сильно дрогнула, выронив сумку и тут же подняв ее. Это был Оробов. Сосед мой по парте. И бывший.

– Все хорошо, Миш, – наводя в поклаже порядок, отвечала я и корчила довольную физиономию. – Ты что-то хотел?

– Да нет. Просто слышал, ты получила шанс сыграть в юношеской команде одного из лучших клубов страны. Это правда?

Я резко кивнула.

– Поздравляю! – вскрикнул он с таким ярким восторгом, что на нас все обратили внимание. Мне вновь стало дико неловко.

– Спасибо, – сухо ответила я, все еще копошась среди трех учебников.

Миша зашел в кабинет. Я подняла глаза и за ним. Гомон этих бешеных восьмиклассников мгновенно перевоплотился в выполнение четко отданного приказа: «Соблюдайте тишину, господа учащиеся». Мы сели за первую парту второго

ряда и, казалось одновременно, тяжело сглотнули, образовавшийся от волнения, ком. Знаете, если Эверест благодаря своей высоте в пиковой точке может пронзить фюзеляж, одураченного радарам, Боинга, то длиннющий интерес 8 «В» класса к моему переезду, да и что тут говорить, всей школы в целом, мог запросто проткнуть мое сердце. Я чувствовала его где-то вблизи. Ситуация, которая по первоначальным оценкам должна была окунуть меня в позитив, обернулась граненым стаканом, доверху наполненным смрадной энергией.

– Воу, Лаврова! – ударив носком туфли по моему стулу, с задней парты, протараторила, пожалуй, самая взбалмошная в нашем коллективе, девчонка. – Ты что это, покидаешь нас?

Повернувшись, я увидела ее самодовольное личико, жадно жующее, судя по аромату, яблочную жвачку. «Она отвратительно смотрится», – подумала я, но всем своим видом продемонстрировала спокойствие.

– Вроде того.

– Круто тебе. А в какой город?

Ее манера вести диалог и ужасное чавканье все сильнее выводили меня из должного равновесия. Но я держалась. Кристина тот еще провокатор.

– Тольятти. Там одна из лучших гандбольных школ...

– Да понятно, понятно, – перебила она с явно отсутствующим интересом. – Ты же у нас спортсменка хоть куда! А вы всей семьей собрались переезжать?

Все сидели тихо и смотрели на нас. Мои глаза заморгали, будто в табачном дыму, а нога нервно постукивала о железный каркас деревянного стула. Ей было совершенно все равно кто и куда будет переезжать. Она тупо играла на публику. Мне так и хотелось сказать: «А какая тебе, собственно, разница, мерзкая обезьяна?!» Но самоконтроль брал верх и я, склонив голову на бок, протянула неспешно:

– Нет. Отец... он остается здесь.

Сдвинув брови, Кристина взялась за простой карандаш.

– Они развелись, что ли?

– Нет, просто... – выдумывала я, глядя на, недавно побывавший в строгалке, графит между ее утонченными пальцами. – У папы есть кое-какие незаконченные дела.

– Ааа... ну все ясно, – презрительным голосом добралась она, якобы, до разгадки. – Папаша то твой не промах! Согласна, – заболталась, как на великоватом стержню шарнире, ее голова. – Однообразие надоедает. Нужно как-то его разбавлять. Девчонками помоложе, например, да?

Вкупе с последним сказанным предложением, она демонстративно смяла в ладонях свою ранеткоподобную грудь. Это было последней каплей. Переполненная безудержной ненавистью, я кинулась на нее через парту. Миша успел схватить меня обеими руками за талию, но мои пальцы гневно вцепились ей в волосы, а уста зашипели так, как шипят только змеиные, угодив в ловушку.

– Я тебя удавлю, тварь! – рычала я, стиснув зубы.

Кристина билась в конвульсиях. Она мычала, редела, судорожно трясла своей потрепанной головенкой. «Чувствуй реальную боль», – приговаривала я мысленно.

– Лаврова, сука, отпусти!

Разнимать сбежался уже целый класс. Казалось, если Миша, как следует, дернет меня обратно еще раз, я точно сниму скальп с башки этой неугомонной скотины. Однако, с горем пополам, преодолев великое множество звуковых тональностей, ребятам все же удалось оторвать мои руки от, еще недавно пребывавших в объятиях кулаков, жалких водорослей. Наши глаза по-прежнему были налиты кровью. Внезапно дверь кабинета громко захлопнулась и в классе воцарилась мертвая тишина. Сидя к доске затылком, я замерла.

– И что тут у вас происходит? – послышался из-за спины слабый, но в то же время брутальный голос строгой натуры. Все потихоньку, в молчании, начали расходиться, а с кончика моего носа, похожего на детскую пуговку, повисла на старых растянувшихся нитках капелька пота. – Скворцова, что у тебя с внешним видом?

Это была Надежда Семеновна. Учитель русского языка и литературы. Она обращалась к Кристине весьма обоснованно. Образ высокомерной девицы, после состоявшейся заварушки, уходил корнями в послевоенный образ бабы-яги, засевшей в окопах. Размазанная помада, потекшая тушь и, никак не находившие себе места на голове, длинные русые волосы.

– Да Лаврова ненормальная! – рассерженно возмутилась она, уверяя все окружение в своей правоте. – Набросилась на меня с криками! Ее вообще в психушку посадить надо!

В ту же секунду в мою обеспокоенную фигуру устремилось сверкающее око изумленного педагога. Ей, кажется, было без малого шестьдесят. Или уже шестьдесят. Я не помню. В ее пристальном взгляде отразилось вполне логичное удивление. Всему виной – моя репутация. Я, конечно, не ангел, но в подобного рода курьезы уж точно не попадала. А вот мнение о личности Кристины Скворцовой у нее должно было сложиться иное. В связи с чем, в глазах Надежды Семеновны теперь читалась попытка выстроить правильную картину. Я же, в свою очередь, услышав все обвинения, снова повернулась назад к потерпевшей.

– Ты сама виновата! Говоришь всякую ерунду, а потом жалуешься! Дура!

– Так, хватит! – оборвала, едва не начавшиеся баталии педагог, после чего прошла к своему столу и уселась за ним поудобней. – Приводим себя в порядок и готовимся к написанию диктанта! Контрольного диктанта, ребята! – уточнила она.

Я выдохнула.

– А мне скоро уезжать, Надежда Семеновна, – умиротворенно произнесла я, надеясь услышать слова напутствия от взрослого человека.

Она отложила в сторону ручку вместе с журналом и снова

сконцентрировалась на мне. Ее глаза не были слишком добрыми.

– Куда это ты собралась, Лиза?

– В другой город, – ответила я, не сводя очей с кружащих возле окон, на улице, двух маленьких пернатых созданий. – В Тольятти, – мечтательно добавляю. – Буду играть в гандбол за один из лучших российских клубов.

Было видно и дураку, что спорт Надежде Семеновне абсолютно безразличен как деятельность, а значит и все, связанные с ним, ценности рушились и являлись второстепенными. Боже, какой пустяк.

– Мм, то есть учиться-то ты теперь, забросишь окончательно? – подозрительно осведомилась она.

Пластинка в моей голове начала заедать.

– Почему? Нет, конечно.

– Да, да. Я уже, наверное, ...ну сколько? Раз, этак, двести слышала что-то подобное, – ехидно улыбнулась классу учительница. – Им поначалу делают снисхождения школьные педагоги, затем доценты и профессора в вузах. А в итоге в их голове ничего не откладывается. Почти все они забросили спорт еще совсем молодыми. А работать идти не могут. Они попросту не умеют! – ее глаза превратились в блюдца, а ладони направились к нам. – Семью продолжает содержать лишь один из супругов, таща на себе эту непосильную ношу, а второй элементарно спивается. Великий спортсмен! И остаются они у разбитого корыта...

– Мне кажется, это неправда! – взбешенно взрываюсь я. – Я такого не допущу!

На лице Надежды Семеновны порхала ирония. Злая, вредная, такая противная, мать ее, дурная ирония.

– Я серьезно, – не унимался мой внутренний мир. – Учебу бросать я не собираюсь.

Кто-то мерзко хихикал на заднем плане. Педагог улыбнулась.

– Все уже отлично тебя поняли, Лиза. Не срывай урок. У нас контрольный диктант, между прочим.

Ее речь становилась черствой. Ирония – неприкрытой, а недовольство темой данного разговора серьезно и далеко не в лучшую сторону выталкивало с весов баланс моей детской психики. Мне было плохо. Я чувствовала, что всем наплевать. Голова шла кругом. Я была в одном шаге от всепоглощающей меня маниакальной депрессии.

– Вы знаете, Надежда Семеновна, я, наверное, пойду, – судорожно выдавила я из себя.

Она не обратила на эти слова никакого внимания, продолжая зачитывать тему диктанта. Я огляделась. Все склонили головы к тонким тетрадям, взяли ручки и с невозмутимым видом записывали за нею. «Им пофиг, Лиза», – вносило ясность мое сознание. «Абсолютно пофиг».

Я встала в холодном молчании. Мои движения выглядели так, будто я больна смертельным заболеванием. Как рыба, начинающая гнить с головы, но без бабла на лекарство от

этого, а народных способов исцеления, однозначно, не знающая.

– Счастливого пути, Лаврова, – кричала в спину моя ненавистница, когда я была уже у самой двери.

Сидящий за первой партой третьего ряда, Дима тут же вцепился в мою руку.

– Лиза, с тобой все в порядке? – насторожился он. – Может тебе помочь?

По классу покатались злые насмешки.

– Ага, помоги. Спаси ее от одиночества! – вновь прозвучал гадский крик.

Я будто на мгновение задремала. Видно ничего не было. Голоса, казалось, звучали столь отдаленно, что я едва могла различить громкий от тихого, женский от мужского, а искренний от фальшивого. Мою дремоту нарушил все тот же Дима, одернув за руку. Глаза были на мокром месте. Я взглянула на него через эту ширму. Все расплывалось.

– Нет, Дим, спасибо. Все хорошо, – проникновенно улыбнувшись ему, ответила я, после чего вышла и аккуратно прикрыла за собою дверь кабинета.

* * *

Выбежав из школы и собрав на ботинки всю грязь, которую часом ранее так скрупулезно и бережно избегала, я доковыляла до остановки и решила, что на этот раз общественный транспорт пусть мчит меня с пересадками.

За его окнами было все так же мрачно, поэтому я стара-

лась в них не смотреть. Тут еще батарейка на телефоне как назло села, да и время обмануть, как оказалось, не так уж и просто. Я угодила во все возможные неприятности. То попала в пробку, абсолютно недвижимую из-за аварии; потом был переезд, потом еще что-то было. В общем, так здорово и весело я давненько не проводила время. Ну а кульминацией дня стала подмена – я, смывая собственные мысли в старый желтеющий унитаз, села не в свой автобус и в ожидании другого, на остановке без крыши, попала под проливной дождь. Ненавижу осень.

Часа через три вся мокрая и несчастная, словно пухленькая кондукторша, стремившаяся облапошить своего пассажира, но внезапно пойманная на этом, я стояла посреди комнаты с диваном, телевизором, столиком из стекла и окном. Серым пустым окном. Влажную одежду я сбросила на пол, а сама, натянув пижамные шорты, уселась в мягкое кресло. Дома по-прежнему не было ни души.

Тоска, печаль и депрессия подобралась уже к самому кончику носа, поэтому мне приходилось запрокидывать назад голову, чтобы не захлебнуться в их отстоявшемся водоеме. Я кинулась к стенке. Шифоньер у бабушки новый, а вот библиотека, отродясь не менялась. Большинство книг были покрыты таким слоем пыли, что невольно создавалось впечатление, будто их накрыли ковриком из песка. Вытянув одну из таких с верхней полки, я только с помощью трех дуновений избавилась от соринки и повернула к себе обложкой.

Чарлз Диккенс. «Оливер Твист». Я упала обратно в кресло и начала читать.

Пять страниц. Десять. Некоторые приходилось прочитывать на второй раз, так как к концу страницы я понимала, что забыла все, о чем прочла только что. К двадцатой страничке мне это порядком поднадоело, и я откинула книгу в сторону, взяв в руку свой севший смартфон и поставив его на зарядку. Зашла в «контакт». Лента новостей целиком состояла из негативных мемов и демотиваторов. Как сговорились. Поводив пальчиком снизу-вверх и убедившись, что сегодня тут плавают всякая ересь, а онлайн никого почти не было, я отключила питание, легла на диван и уснула.

* * *

– Лиза, ты дома?!

Казалось, прошло меньше минуты, прежде чем мамин крик пробудил меня от глубокого сна. Но я тут же взглянула в окно. Там было темно. Мама зашла в комнату с пакетами из «Ашана».

– У тебя все нормально? – спросила она.

В мгновение ока, я нарисовала фальшивую радость.

– Да, мамуль. Я просто немного вздремнула.

– Понятно, – схватила она пакеты и потащилась дальше по коридору, выкрикивая оттуда: Ужин будет готов через час! Не проспи!

Ага. Постараюсь. И кто бы знал, чего мне стоило так резко подорваться с дивана. Теперь больная голова и снова мыс-

ли о переезде. Не найдя лучшего утешения, кроме как снова взять, сейчас то уже заряженный до ста процентов, свой телефон, я полезла в соцсети и на этот раз наткнулась на курортные фото одной знакомой. Ей было хорошо, она улыбалась, позировала в купальнике и обнимала своего девятнадцатилетнего парня. Это он повез ее на Хай Нань. Казанова студенческий. Швыркнув носом от зависти, я осознала, что антракта в данной постановке не намечается, а посему, будучи ошалелой вскочила с софы и кинулась наутек. Это был финиш. Я окончательно потеряла рассудок.

В результате, оказавшись у дверей туалета, и, недолго думая, я забралась вовнутрь. Откинула щеколду, опрокинула на стульчак крышку и присела на унитаз, закрыв ладонями уши. На звук громко хлопнувшей двери мгновенно отреагировал кулинарный отряд.

– Лиза?

– Я никуда не поеду! – звонким, режущим слух криком, отправился исчерпывающий ответ из закрытого санузла.

Решительным шагом кто-то пустился к уборной и сел у двери.

– Доча, успокойся! Кто тебя обидел? Кто чего наговорил?

– Никто! Я просто я не хочу уезжать!

И тишина. Мама с бабушкой, очевидно, обдумывали дальнейший план действий.

– Лизонька! – решила взять все в свои руки моя прародительница. – Выходи! Я тут курник твой любимый пригото-

вила. Выходи. Покушаем, и все встанет на места.

Не встанет.

– Я никуда не поеду! Я останусь здесь!

– Доча...

– Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет...

* * *

Я открыла глаза. Или не открыла? Чернота. Как в относительном космосе Альберта Эйнштейна. Это у меня так невыносимо грязно или свет кто-то рубанул? В попытке выяснить истинные причины, я наощупь отыскала защелку и резко, точно передергивая затвор старой, как жизнь, винтовки, откинула ее в сторону. Дверь слегка приоткрылась, образуя тонкую щелку. Струйка белого света облила, висящий за моей спиной, рулон туалетной бумаги. «Я провела ночь с унитазом», – высмеивая собственный опыт, заключила я на автомате. Если, конечно, глаза не обманывают или очередной правдивый сон мне не снится. Или правдоподобный? Прекратив жалкие бессмысленные раздумья, я с силой толкнула дверь и едва не ослепла. «Чем дольше ты не поднимаешь веки, тем ярче кажется освещенное окружение», – прочла я совсем недавно на одном из познавательных форумов.

Мне с удивительной легкостью в мышцах, удалось при-
встать на обе ноги, а затем и вовсе выйти за порог туалета с
наполовину опущенными ресницами. «Ну и ну», – мелькнуло
в моей свежей, по ощущениям, голове. Выспалась. Ничего
не болит. Настроение под стать феерии от выигрыша в ло-

терее. В общем, такое чувство, что спала я никак не в стенах скромного санузла городской высотки, а в каком-нибудь домике класса «Люкс», в гордом одиночестве пришвартованного к лазурному берегу.

Прослезившись после двух невольных зевочков, я миновала спальню. Оттуда доносилось слабое сопение. Его я ни с чем не спутаю. Аккуратно, вытянув, как жираф, из-за косяка свою голову, я увидела там, лежащую поперек огромной кровати и закутанную как мумия в одеяло, маму, которая, либо вследствие моего вечернего зажигательного перформанса, либо ряда других причин, сегодня никуда не пошла. Но, скорей всего, первое. Я прониклась глубоким страхом и решила, что будить ее мне не стоит. Во избежание... Да – да. Именно. Поэтому я без лишнего шума, на цыпочках, дотасила свое тело до комнаты с угловым диваном.

Вещи были разбросаны по полу. Я взяла джинсы за одну из штанин и подняла прямо перед собою. Все еще влажные. Лежат ровно так, как я их вчера оставила. «Мда», – расстроено издали мои уста, подводя итог, и мне пришлось молча искать в гардеробе сухие вещи. Это не то. Это тоже. Я отбрасывала все элементы светлой одежды, опасаясь замарать их пасмурным сентябрем. На секунду мне показалось, что подходящий вариант найти не удастся. Черта с два! Синий спортивный костюм фирмы «Nike» с теплым флисовым капюшоном спрятался в самом низу. Его – то я и надену.

Оценив все обновки в ближайшем зеркале, я принялась

собирать спортивную сумку. В этой гробовой тишине каждый шорох был сродни взрыву огромного тетрапака. Огромного тетрапака! Это явно усложняло мне жизнь. Я ни на миг не расставалась с мыслью, что мешочки нарочно делают такими шуршащими. Нарочно, дамы и господа! Устав морщить от неловкости свое заспанное лицо, я подошла к дверному проему и плотно закрыла комнату. Опустила веки. Выдохнула. Теперь можно спокойно собирать сумку. Я открыла глаза и повернула к себе запястье с часами. 11:37. «Так не пойдет», – подумала я и в спешке бросилась шарить в карманах, пребывающих на полу джинсов. В переднем кармане мне посчастливилось нащупать пару старых промокших квитанций, фантик из-под шоколадной конфеты «Мишка на Севере» и сразу пять ментоловых зубочисток. Натырила, блин. Отряхнув руку от прилипших к ней кусочков макулатуры, я полезла в задний карман. Нашла. Черный кожаный кошелек. От «Petek». Налички в нем оказалось немного, однако... одна сотня, две... семьсот... куда можно сходить на семьсот рублей? – задала я себе вопрос и вдумчиво посмотрела в окно. Сизые кучевые ребята все так же мерно плыли по белому небу. Мне снова стало невыносимо грустно. «Ладно, там разберемся», – подхватив сумку и направившись к выходу, взволнованно шепнула я, как мне показалось, довольно громко.

Вынырнув из подъезда, я рефлекторно остановилась под козырьком, избегая опрометчивых попаданий под непроще-

ный ливень. Перед глазами предстала дорога неестественно темного цвета. Наверное, именно этот фактор и послужил для меня тормозными колодками. Вот, знаете, есть же такой оттенок – «мокрый асфальт»? Так вот. Это был «очень мокрый асфальт». Внимательно приглядываясь и выставя ладонь из-под козырька, я сделала вывод, что капли дождя сильно редеют, а значит можно идти, не боясь промокнуть до нитки. Чем я и занялась. Накинув капюшон на голову, и сбежав по короткой лестнице, мне почему-то захотелось свернуть направо. Видимо, интуитивная память. Я вынула из кармана свой гаджет и на ходу провела мониторинг ближайших кафе, закусочных, ресторанов. Из тех, что мне позволят воистину отдохнуть перед тренировкой и не ударит по кошельку, нашелся один вариант. И интуиция, похоже, меня ни капли не подвела. Я избрала верное направление. Кафе с говорящим названием «Chillout» славилось меню с ценником ниже среднего и натянутой как брезент, над спящими в позе эмбриона туристами, ласковой умиротворяющей атмосферой. Откуда я это знаю? Уж точно не из рецензий на НГС. В свои четырнадцать лет я чаще многих других моих сверстниц посещала подобные заведения. Родители баловали меня, как и полагается обращаться с единственным ребенком в семье, с завидной регулярностью, чтобы я как можно меньше в чем-либо нуждалась, порой даже ограничивая самих себя. И у них здорово выходило. Но наряду с возможностями, которые были мне предоставлены, я слыла весьма

скромной девчонкой и постоянно имела неугомонное желание отдать последнюю крошку хлеба. До Яны, конечно, мне еще далеко, но альтруизм в незначительных дозах все же бежит по венам.

Семяными шажочками я перекочевала через дорогу. Кофейня была в трех метрах, и мне оставалось сделать пару шагов, чтобы открыть дверь и зайти туда, как вдруг я увидела идущего мимо мужчину в зеленом дождевике. Проходя рядом, он взглянул на меня и зловеще искажил свою худощавую смуглую морду. Я испугалась. Мужчина же, как ни в чем не бывало, отвернулся и пошел дальше.

– Что-то не так? – крикнула я ему в спину.

Но реакции никакой не последовало. Он все также от меня удалялся, а затем и вовсе свернул за угол здания. Улица была абсолютно пуста как винный бокал на витрине. Жутко и не по себе. Меня слегка передернуло, изгиб тела нарисовал двойку и я, убегая от всей этой Сайлент-Хиловской обстановки, зашла в «Chillout».

На входе меня никто не встречал. Помещение по своей наполняемости и освещению напоминало утреннюю таверну. Да, да. И никак не пристанище деловых кофе-брейков. Свет здесь брали исключительно от природных источников – огромные окна размером со школьную доску позволяли, похоже, жирно экономить на электричестве. Едва перешагнув порог и наступив на коврик с вежливой надписью «Добро пожаловать, милый гость», я оглядела просторный зал. Все

столики были свободны, кроме одного небольшого, уместившегося в углу. За ним сидел толстый мужик, окинувший меня своим нарочито заспанном взором. Вероятно, его разбудил звук хлопнувшей входной двери, ибо согнутая рука, поставленная на локоть и смявшая его многослойную, судя по числу складок, щеку, была единственной опорой для головы, по форме, напоминавшей зрелую дыню в вертикальном, более высоком, своем положении. Официантки, бариста. Отсутствовали все напрочь. Я пожалала плечами и, выписывая походкой кривую линию, уселась за столик под окнами. Щетинистая морда, сидящего в углу мужика, глубоко и трагично вздохнула, а веки медленно опустились. «Точно спал», – подумала я и увидела идущую ко мне молодую официантку. Очень изящно и грациозно она появилась из-за толстенной колонны, покрытой каким-то мерцающим камнем рубинового оттенка. Подойдя вплотную, юная привлекательная особа, видимо уже собиралась представиться, но внезапно замялась, увидев мой заостренный на ее личике взгляд и лишь на мгновение разомкнув свои алые, казавшиеся единым целым, уста.

– Эм...

– Ничего, ничего, – пыталась я ее успокоить, широко улыбнувшись. – Просто вы очень красивая.

Мои слова прозвучали как реплика маленького бескорыстного, бесхитростного ребенка. Наверное, это именно так и было.

– Спасибо. Меня Катя зовут, и сегодня я буду вас обслуживать. Что-нибудь выбрали уже или, быть может, подойти позже?

«Боже мой», – врезалась в мои мысли знаменитая фраза Шпака из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Глядя на ее необычный румянец, так и хотелось сказать: «Дочь моя, что ты здесь делаешь? Почему до сих пор не на сцене? Дапкунайте, а ну, снимай маску!»

– Эм... – снова поджала она свои пухлые губы, видя, что я ее полностью игнорирую. Я тут же открыла лежащее передо мной красочное меню, и мое вездесущее око моментально привлек жирно пропечатанный излюбленный кофейный напиток. Я сразу ткнула в него указательным пальцем.

– Да, Кать. Мне латте. Большую кружку. И... – перелистывая страницы одну за другой, тянула я, стиснув зубы. – Круассан.

Брови юной леди вспорхнули. Лоб сморщился.

– Угу, – отвечала она, записывая в блокнот. – Круассан топингом поливать?

Я погрязла в раздумьях. Топинг, топинг... Что это такое? А, ладно. Не желая показаться глупой необразованной малолеткой, я с деловым видом взглянула на ждущую ответа официантку и уточнила:

– Ну, разумеется.

Катя продолжила морщить лоб и записывать. Кажется, в ее глазах я была искривлявшейся дурочкой. Да. А вот она в

моих... роскошная дива, теплый и нежный голос. Наверное, мне хотелось стать точно такой же. Вы посмотрите! Работа как будто бы доставляет ей удовольствие. Настолько внешний облик с этой нисходящей улыбкой и розовым, как поздний закат, румянцем, виделись мне искренними и настоящими. Ну как? Ну вот как?! Эта сеньорита же здесь прозябает. По ней Щукинское давно уже плачет.

– Что-то еще? – прервала она мои думы и в ту же секунду, за ее спиной, на входе, появился молодой человек. За ним внутрь ввалились два парня и одна девушка. Они шумно прошли на другую сторону зала, и присели на черные кожаные диваны. Я перевела взгляд на Катю. Она терпеливо следила за мной, ожидая дальнейших указаний. Мне стало стыдно.

– Нет, спасибо, – виновато произнесла я.

Со счастливым видом, девушка убрала блокнот в нагрудный карман своей блузки, подхватила меню и сказала:

– Хорошо. Все будет готово в течение 5-10 минут. Ожидайте.

Она находчиво развернулась и пошла к бару, неспешно дефилируя и покачивая своими нижними 90 из стороны в сторону, после чего удалилась за ту же колонну, из-за которой недавно выпорхнула. «Да уж», – посетовала я про себя, уткнув кончик носа в сжатый кулак. «Испортила все безотвратное впечатление». Расстроено взмахнув ресницами до самых бровей, я устремила взор к диванам, цвета лакиро-

ванных тувель, на которых, заливаясь от смеха, пребывала небольшая компания молодых людей. От них так и веяло позитивом, и хотя они вели себя шумно, этот шум был какой-то сравнительно тихий. Не быдловский. Сдержанный что ли. Я прищурилась, будто биатлонист на стрельбище, чтобы лучше их рассмотреть: парни поочередно что-то рассказывали, дополняя свою речь спецэффектами и чрезмерно жестикулируя, а вот единственный представитель женского пола – светловолосая дама, видимо, крашенная, да еще и не в первый раз, довольно легко ловила приступы безудержного веселья, смущая при этом как минимум одного из этих воспитанных юношей.

– Ваш латте и круассан, – заставив меня подпрыгнуть и тяжело выдохнуть при жестком падении на пятую точку опоры, раздался голос официантки. Я подняла голову и, вдыхая кислород исключительно через нос, посмотрела на Катю. Она все также морщила лоб.

– Спасибо, – пролепетала я, вздрагивая на каждой букве. Дама с бейджилом «Катерина» встретила мой испуг довольно-таки деликатно и, витиевато нахмурившись, дала дельный совет мне нажать на кнопку в середине стола, если вдруг понадобится что-то еще. Я неуверенно кивнула в ответ, однако провожать взглядом ее не стала. А вместо этого склонила голову к фарфоровой чашке и скучающим вздохом поприветствовала, изображенное на пенке, сердце со стрелой купидона. Или Амура. Не знаю. Иногда я думаю, что у

этих бариста либо попросту нет фантазии, либо в их искусстве нет ничего проще, чем нарисовать обложку от валентинки. Вот круассан выглядел воистину великолепно. Как на картинке. Сверху полит, похоже, тем самым топингом, на вид схожим с обычным растопленным шоколадом. Я была голодна, а потому незамедлительно принялась отрезать небольшой кусочек, придерживая металлической вилкой, а затем макать его в стекшую, с круассана в тарелку, сладкую лужицу. «Ммм, карамельный», – опустила я веки от удовольствия. С этой минуты я уважаю топинг.

Наслаждаясь своим десертом, я вновь заострила внимание на активно привлекающей его компании по ту сторону зала. Блондинка, собрала свои волосы в аккуратный хвостик, и теперь стало заметно, что у нее донельзя выцвели корни, и напрочь отсутствовало, какое-бы то ни было, чувство такта. Фу. В совокупности это смотрится омерзительно. Несмотря на ее белоснежные зубы, словно те, что ежедневно крутят на телевидении в рекламе «orbit» или «dirol», улыбочка у этой девицы была лошадиная. И она хохотала так, что я все чаще и чаще стала поглядывать на смущенного ее поведением парня. Он сидел спокойно и практически не улыбался. Все три товарища были как на подбор. Худощавые, бледнолицые. С коротким темным волосом и брутальными голосами. Как минимум у двоих. Голос самого молчаливого юноши услышать пока возможности не представлялось. Его круглая морда и впавшие щеки, казалось, не могли априори ужить-

ся друг с другом. Словно втянув в себя весь негативный воздух, он безмолвно наблюдал за оставшимся, в их кругу, позитивом. «Здесь явно что-то не так», – размышляла я, попивая латте. Почувствовав во рту странную горечь, я опустила чашку и со сморщенным личиком высыпала в нее, а затем и скинула весь имеющийся в соседнем блюде, запас сахарного удовольствия. Взяла ложку. Перемешала. Снова поднесла кофе к своим губам и душевным восторгом встретила сладкий вкус.

Внезапно, парня, за которым я так пристально и с интересом следила последние пять минут, начал толкать соседствующий с ним товарищ и что-то шептать на ушко. В ответ «мистер спокойствие» безостановочно мотал головой и отодвигался подальше. Но сосед не сдавался. Он упорно подсаживался впритык, стирая и без того символичное расстояние, после чего вновь брался о чем-то тихо ему говорить с выражением лица из разряда «Да выслушай ты меня, хоть маленько». Сопротивлению долгой жизни не прочили, а потому вскоре один из них, тот самый молчун, с негодованием поднялся с дивана и быстрым шагом направился к барной стойке. Мне впервые удалось разглядеть его с головы до пят. Прикид на нем отдавал мирной студенческой простотой. Гордо вымазанные неприличным слоем гуталина и воска, остроносые туфли, с короткой шнуровкой, берущей свое начало чуть ли не у самого язычка и примерно там же свой путь завершающей. Рядов пять. Не больше. На завя-

занные миниатюрные бантики плавно ложились классические джинсы голубого, рекламного цвета. Никаких тебе дырок или дурацких пошеркиваний. Еще и авторитетно выглядывающая, из-под серого джемпера с v-образным вырезом, пряжка кожаного ремня. Ну, прям местный Денди. Подойдя к стойке, он, привстав на носочки, облокотился и, вариативно гримасничая, о чем-то воспалено толковал со стоящей напротив официанткой. Катей. Она вдруг странно порозовела. Кивнув три или четыре раза ему в ответ, девушка развернулась и скрылась за дверью с горящей над ней надписью – «Посторонним вход воспрещен».

Меж тем, народу в кафе подприбавилось. Гул от смешавшихся голосов возрос до отметки «хватит», а под самым потолком, в цвет ноте, в пределах жидкокристаллического экрана, забегали Том и Джерри. Я искренне удивилась своей невнимательности, ибо телевизоров, до настоящего времени, мне заметить не удавалось. Они работали без звука. Как и в любом гастрономическом заведении. Я окинула взором, сидящего в углу, толстяка. Он все также спал, облокотившись на правую руку. Его пухлые губы периодически сотрясались, избавляясь от углекислого газа. Я улыбнулась. Динамик, висевший над моим ухом, неожиданно зашипел. Подняв голову, я уставилась на него, как на летящий в мою сторону астероид, ожидая чего-то. Чего-то неведомого.

– Раз, раз, – доносилось оттуда сначала тихо, а потом чуть громче и уже довольно отчетливо.

Громкий девичий смех снова пронесся оглушительно циничным напалмом по всему помещению. Как следствие, я тут же повернулась в сторону очага возгорания, однако добраться до него глазами так и не удалось. На моем пути, в центре зала, вырос кусок небольшой захудалой сцены с микрофоном и стоящим у него парнишки из шумной компании. «Он что, петь собрался?» – подумала я и сделала еще один глоток кофе. К нему, едва ли не вприпрыжку, подбежала официантка и опустила на голову шляпу. Стиль интеллигенции начала двадцатого века. В ответ он поцеловал ее в щеку, а та, снова порозовев, застенчиво удалилась. Зал тут же затих. Юноша дважды хлопнул ладонью по микрофону и разомкнул уста.

*– Присмотрись. Я один в поле воин.
Мне не ведом тот строгий запрет.
Присмотрись. Ведь я рушу устои
И несу всем вокруг только вред.
Присмотрись. Я от всех отвернулся
И на мнение всех наплевал.
Присмотрись. Ведь ты только проснулся
И ты явно ни этого ждал.
Присмотрись. Все не может быть вечным.
Даже то, что в основе лежит.
Присмотрись. Тут под жизнью беспечной
Может, акт безразличия скрыт.*

Присмотрись. В облаках не витай ты.

Не плыви по течению вниз.

Присмотрись. Ведь вокруг терабайты

Информируют всех алчных крыс.

Присмотрись. Ты голодной пираньей

Объедаешь огромных акул.

Присмотрись. Все теряет признание,

Когда с древа корысти твой стул.

Присмотрись. На дорогах безлюдно

И теперь там одни дураки.

Присмотрись. Сделай все обоюднo

И тебя не забьют кулаки.

Присмотрись. И прислушайся тоже.

Тебе важно сейчас сделать ход.

Присмотрись. И пусть дрожью по коже

Пробежит по тебе свежий пот.

Присмотрись. Ты один в поле воин.

И не слышишь ты строгий запрет.

Присмотрись. Ты надежды достоин.

И пусть это звучит словно бред.

Штиль. Разряженный воздух. Именно сейчас весь мир совершил свою конечную остановку. Зал находился в оцепенении. Я, кажется, растворилась в его атмосфере. Душа покинула тело. Паря в гуще кофейного запаха, и облетая пылинки, я жаждала добраться до его губ. Подставить туда свою щеку. Сжаться в объятиях. В клубок. И уснуть.

В эту самую секунду зрители основательно взялись хлопать. Потребовалось не менее половины минуты, чтобы как следует прожевать этот кусочек культуры. Такой сытный и вязкий. Я осторожно вздохнула и увидела, что на мой стол больше не падает свет. Пылинки перестали кружить по спирали от ДНК, а топинг стал заметно темнее. Как нефтяные проливы. Словно на улице в один миг наступила ночь. Полная дурных дум, моя голова повернулась влево, чтобы взглянуть в окно. В одном метре от него стоял человек в зеленом дождевике и зловеще, с широкой улыбкой, смотрел на меня. Задрожав от неподдельного чувства страха, я захотела сразу же отвернуться. Но он мгновенно очутился возле стекла и, ударив ладонями, прилип к нему своими губами. Оторопев от увиденного, я грохнулась на пол вместе со стулом.

– Что здесь произошло? – подбежав ко мне через считанные секунды, испуганно спросила одна из сотрудниц.

Я ощутила сильную боль в спине и, не поднимаясь, посмотрела в окно. Там было пусто. Свет снова озарял эту часть кафе.

– Там... – выставила я указательный палец по направлению к запотевшему от губ кусочку большого стекла. – Там был человек.

Пышногрудая леди, с бейджиком на угольно-черном жакете, присела рядом со мной на корточки и стремглав покосилась туда же, куда озадаченно глядели мои стеклянные очи. Она, тщательно щурясь, с невероятным упорством, рас-

смастривала стекло и, осевшую в пасмурной проруби, территорию за его объемистыми пределами. Казалось, ей удалось разглядеть отпечаток от уст неизвестного, но...

– Девочка моя, – обратилась сотрудница так, будто вспомнила что-то важное. – Но там никого нет и быть не могло. Вчера под этим окном вырыли котлован.

Я безмолвно оттянула свой взор от ее, полных изумления, глаз и запрокинула голову. Мне вдруг стало ужасно холодно. Я ощутила, как ледяной пот выступил на всем теле, промачивая одежду насквозь. На лбу, под мышками, на спине, животе, в паху. Мое отключенное тело продолжало собирать пыль и тонуть в ознобе, глядя на, изнуренный временем, темнеющий потолок.

– Света, принеси нашатырь! – воскликнула та же девушка, сидящая у моих ног.

Я мгновенно очнулась и опустила голову на уровень ее подбородка. Она, стоя на коленях, выжидающе смотрела в сторону бара.

– Не надо, – с трудом вымолвила я из себя и тут же попыталась встать на ноги. – Со мной все нормально.

Барышня взирала теперь на меня еще более ошарашено. Я огляделась. Вся, сидящая за своими столами, публика смотрела на меня точно так же. Молча и с открытыми ртами. Я сунула руку в карман и, отыскивая бумажник, спросила у только что подбежавшей Светланы:

– Сколько с меня?

Обе представительницы диаспоры местных работников вопросительно глянули друг на друга, в след за чем одна из них, недавно примчавшаяся с маленькой, закрытой ваткой, колбой нашатырного спирта, рванула обратно к бару.

– С вами точно все хорошо? – полюбопытствовала оставшаяся сотрудница напоследок.

– Точно.

Однако она не поверила. Да и я никудышная лгунья. Подоспевшая через пару мгновений обольстительная девушка Катерина, принесла счет и открыла его, поочередно посмотрев в томительные лица меня и своего непосредственного начальника с большой, выпирающей из жакета, грудью.

– С вас четыреста тридцать четыре рубля, – сказала официантка, остановившись на мне.

Я достала купюру номиналом пятьсот рублей и протянула ей, вызвав недовольную физиономию сразу у всех присутствующих. Она сморщила лоб и закинула бумажонку поверх короткого чека.

– У нас наличные уже полгода не принимают, – заметила со вздохом менеджер, вильнув своими объемными формами.

Я, с тюремной подавленностью, начала смотреть по просторам своего кошелька в поисках карты, которой там не было никогда. Катя с жалостью взяла меня за руку.

– Но для тебя мы сделаем исключение.

Я благодарно кивнула, поставила стул на место и подхватила рюкзак.

– Спасибо, – тихо раздалось из моих уст. – Всего доброго.

Дамы окаменели и внимательно продолжали отслеживать мои дальнейшие действия. Мне было крайне неловко. То этот странный мужик привиделся за окном, опрокинув со стула и, по меньшей мере, лишив привычной зоны комфорта; то этот расчет наличными, которые, кажется, уже не принимают нигде. А у меня завалялись. «Дура!» – укоризненно воскликнула я про себя и двинулась к выходу. Увидав у дверей мою спину, девушки зашептались. «Chillout» проснулся. Заиграла нежная, словно шелк, спокойная музыка.

– А как же сдача? – осведомилась официантка.

Остановившись в дверном проеме, я повернула голову на бок.

– Это ваши чаевые.

В ответ снова зазвучал тональный каскад перешептываний. Я толкнула вторую дверь и медленно вышла на улицу. Дождя не было, но светло-серый оттенок над головой перманентно вселял тоску. Я наклонилась назад, чтобы отряхнуть от пыли свои икроножные мышцы и заднюю часть бедра, а потом, скрупулезно расстегивая тонюсенькую, как нитка, молнию, сняла спортивную кофту и похлопала ладонью по той ее части, которая совсем недавно лежала прилипшая к полу. Оставшись в одной футболке, мне показалось, что на улице не так уж и холодно. Закончив все мероприятия по отчистке, я закинула кофточку на предплечье и заглянула за угол, где, предположительно, мне померещился человек в

зеленом дождевике.

«Нет», – подумала я, увидев, что подобраться к окну, а уж тем более прислониться к его стеклу, практически невозможно. «Этого просто не может быть»...

* * *

Дверь в раздевалку, как и всегда, открывается с характерным противным хрустом. Затаив дыхание, я стою у нее, будто вольная задумка креативного архитектора, с плотно закрытыми глазками, в ожидании очередного волнительного спектакля. В каких только вариациях мне не представлялась возможная реакция моих верных подруг и просто хороших партнеров по любимой команде. Радость и недовольство, завистливые взоры и удивленные лица. Однозначной ей все равно быть не суждено. А потому было страшно. Вдвойне. Страшно, что могут политься ручьем насмешки. Страшно, ведь я была, как никогда уверена, что лиц, изрекающих такое теплое «Поздравляю» и держащих над головой плакаты и транспаранты, отражающие в красках мои чемпионские истинные амбиции, будет гораздо меньше, нежели лиц с самыми что ни на есть сомнительными эмоциями. Это конкуренция. От этого не убежать. Ни в одной возрастной категории, как бы сильно ты этого не хотела.

Наконец, собрав всю волю в кулак, я шагнула вперед и теперь одной ногой находилась на территории трансформации из повседневной одежды в спортивную форму. Раздевалка была заполнена. На первый взгляд, здесь находились все. Си-

дели, прижавшись спиной к кабинкам, и болтали босыми хрупкими ножками. Они заметили меня, однако продолжали безмолвствовать. Не дожидаясь, пока кто-нибудь промолвит хоть слово, я решила, выдохнув все волнения, поздороваться.

– Всем привет!

– Привет будущим чемпионам! Виват! – с поразительно откровенным сарказмом и невыносимо пискляво, пустила встречную фразу Олеся.

– Поздравляю, Лиза! – тихо и скромно, но зато предельно чувственно, добавила Настя.

Я встала посередине и сглотнула первый язвительный ком.

– Спасибо. Олесь, я просто хотела сказать...

– Ах, ты хотела! – перебила она. – Ну, давай, поведай нам, как это ты затесалась в ряды обладателей столь престижной путевки. М?!

Леся была на год старше и вдобавок гораздо раскрепощенней, что нисколько не добавляло мне навыков в этом «словесном, что называется, карате», а лишь давило на меня с адской силой, словно тяжеленный бетонный блок.

– Я хотела сказать, что ты, без сомнения, тоже достойна играть за...

– Также достойна?! Нет, я ослышалась?! Ты сказала: «тоже достойна?» – голос у нее становился все более агрессивным, а жесты всеохватывающими. Остальные девчонки си-

дели молча, а некоторые, чувствуя значительную неловкость, и вовсе опустили свои хмурые головы. – Я забила на семь мячей больше тебя, отдала больше голевых передач, в каждой игре превосходила тебя во всех компонентах, а ты просто берешь и заявляешь мне, что я «тоже достойна»?! Нет, ну ладно Яна, она явный лидер и капитан, ведущий за собой коллектив, но ты! Ты даже на общем фоне не выделяешься!

– Может, им нужен игрок более созидательный... – отвечала я с дрожью в голосе, едва сдерживая напор.

Олеся противно исказила свою, и без того кривую, гримасу.

– Созидательный?! Лаврова, ты всего один матч провела в качестве капитана и у тебя совершенно поехала крыша? Я же сказала – у меня в разы больше голевых передач, чем у всех здесь, вместе взятых!

– Олесь, может, хватит? – вступила с очень строгим тоном в разговор Даша.

Для меня это стало приятной, завораживающей все точки моего тела, неожиданностью. Только сейчас, в этой паузе, мне удалось заметить, что Яны нет в раздевалке.

– Хватит?! Что хватит?! То есть, Даш, ты тоже согласна, что Лаврова у нас куда более перспективный вариант, да?

Внезапно, в прикрытую дверь за моей спиной, бегло постучали три раза. Все перевели взгляды и с неподдельным интересом смотрели на нее, жажда продолжения. Я развернулась. В раздевалке воцарилась полная тишина. Спустя па-

ру мгновений, в дверь постучали повторно. Девчонки замерли и, не моргая глядели в одном направлении. Видимо, удостоверившись, что заветного «войдите» никто не произнесет, неизвестный плавно приоткрыл занавес и из темноты появился утомленный Александр Валерьевич.

– Я не помешал? – спросил он в манере, свойственной не самой доброй его стороне. – Чего это все замолчали?

«Похоже, что он все слышал», – подумала я и опустила голову ниже. Исподлобья мне было видать, что остальные барышни проделали то же самое.

– На тренировку выходим! – продолжал более сурово наставник. – Лиза и Олеся идут со мной. Остальные в зал.

Увидев, что все по-прежнему не двигаются со своих мест, будто намагниченные иголки, пристыв к аноду, Валерич расшвирил.

– Чего сидим?! Марш, говорю, на площадку!

Заметались. Шумно. Я с тревогой поднимала свой постыдный пугливый взор, в надежде, что Александр Валерьевич уже ушел, но тщетно. Взгляд наставника, точно бортпроводница на выходе из вагона, поймал меня за руку и настойчиво попросил предъявить билет, которого я не брала.

– За мной, Лаврова, – произнес он вполголоса и сразу же двинулся к выходу.

Я растерялась. В панике, мне никак не удавалось найти свободной кабинки, чтобы оставить там сумку и пуститься вслед за наставником. Только когда почти все девчонки уже

покинули раздевалку, долго копошившаяся, в своих вещах, Настя медленно подошла ко мне, красочно улыбаясь, забрала рюкзак и молча указала своими крохотными зрачками на выход. Я глянула в ее озорные глазки грустно и отстраненно, а она, в свою очередь, топнув одной ногой и вытянув губы в струну, сделала повторное указание. «Мне и в первый раз было предельно ясно, чего ты от меня хочешь», – не решилась сказать я ей вслух и, устало выдохнув, бросилась вдогонку за тренером.

Вышла из раздевалки. Прикрыла дверь. Весь этаж был как на ладони. Рядом лишь длинная лестница, и, слабо доносящееся с ее верховины, эхо девичьих криков. Не раздумывая подолгу, я поскакала вверх по ступенькам, предполагая, что недовольный наставник ушел к себе в кабинет. За лестницей меня ждал вытянутый, постепенно темнеющий, коридор. Я шла по нему подавленная, разбитая, косилась на, неравномерно размазанную по стенам, свежую краску цвета хаки и горестно размышляла о том, что радостью тут и не пахнет. Мама всегда говорила, что у любой медали есть две стороны. А я и не понимала, о чем она, казалось, так нелепо твердит. «Теперь, похоже, что понимаю», – подвела я черту, остановившись в шаге от, распахнутой настежь, двери того самого, забитого под отказ кубками и грамотами, кабинета.

– Заходи, Лиза, – очевидно увидав мою тень, упавшую на свет, исходящий из тренерской, произнес Валерич немного громче обыденного своего тона.

Я вздрогнула, но медлить не стала. Ноги выполнили пару несложных движений, и моему взору открылась картина преуспевающего мафиози и его протеже. Наставник вальяжно расположился в своем кожаном кресле, а Олеся стояла напротив, оценивая меня отвратным пристальным взглядом. Я зашла внутрь и поравнялась с ней, после чего Валерич демонстративно облокотился на стол, издавая при этом какие-то странные звуки, и возмущенно начал взирать, сначала на меня, а затем на моего оппонента.

– Ну и что у вас стряслось, девочки? Шкуру неубитого медведя решили публичным образом поделить?

В ответ раздается стопорное безмолвие. Я лишь пожимаю плечами.

– Вы поймите, – добавлял он с открытой жалостью. – Олесь, ты в частности. Стремление ведь порождает готовность к огромным трудностям. Нужно быть сильными, девки, и каждый день доказывать это! Огонь в одном сердце может разжечь пожар гигантских масштабов! Но если этот огонь погаснет, зажечь его снова будет чрезвычайно трудно.

Повесив голову, Олеся подхватила со стола ручку.

– У меня больше не будет такой возможности, – тихо сказала она.

– С чего ты взяла?

– С того, что такие шансы выпадают раз в жизни. И я во всем превосходила Лаврову. Почему выбрали ее?

Валерич посмотрел на меня, прикусил губу и забрал свою

ручку обратно, оставив моего ненавистника с застывшим яростным взглядом.

– Я не знаю, Лесь. Это целиком и полностью их решение. Я здесь никакого участия не принимал, – оправдывался наставник, нервно постукивая о столешницу инструментом для написания. – И потому считаю, что тебе просто нужно порадоваться за свою подругу и, ни в коем случае, не унывать. А впереди, с твоими – то амбициями, у тебя самая, что ни на есть, чемпионская карьера. Я тебе обещаю.

– Ага, конечно. Пусть родители за нее радуются. Лаврова молодец! Лаврова лучше всех! Лаврову ждет успех! – с тошнотой в заряженном воздухе, прорычала, сквозь зубы, Олеся и, решительно развернувшись, в истерическом темпе покинула расположение кабинета, хлопнув дверью, что было мощи.

Мы с Валеричем рефлекторно зажмурились.

– Она успокоится, – тягостно проронил он.

Я глубоко вздохнула.

– Надеюсь.

* * *

Через десять минут зал был переполнен юными гандболистками. И по иронии казалось, что кислорода здесь стало гораздо меньше. Дышать труднее. Двигаться в разы тяжелее. Мои ноги будто прикованы к громоздким свинцовым гилям и я, словно каторжник, волочила их друг за другом. В прогулочном дворике. В полосатой бесформенной робе.

Интуиция или шестое чувство, не знаю, но что-то неустанно подсказывало мне о приближающейся опасности. А может все куда проще? И это не более чем причинно-следственная тривиальная связь? А что? Я – она. Вполне логично. Но от этого разве легче? Вот именно.

– Делимся по шесть человек! – громко, во всеуслышание, разбил загустевшую тишину наставник. – Сегодня будет игровая тренировка!

Я стояла в углу и делала вид, что тушу дымящийся вонючий бычок. Дергаться и проявлять инициативу, в данную минуту, мне хотелось меньше всего на свете. Выражение «набрать в рот воды», как нельзя лучше, подходило для этого случая. Вот я и молчу, заняв удобную статическую позицию. «Кто-нибудь, заберите меня», – молила всеми фибрами своей нано-души маленькая девочка Лиза, а сама глазами продолжала всюду искать следы лучшей подруги. Но ее нигде не было. Меня охватила паника. Паника парашютиста, у которого отвалились стропы.

– Лиза, пойдем! Мы первые играем. Чего ты замерзла? – обратилась ко мне Марина, которая, видимо, нынче является моим непосредственным игровым партнером.

Голова моя превращалась в глобус. Теперь еще и воду придется выплевывать.

– Лиза? Аууу?

– Да, да, Марин, – закивала я, повернувшись и неохотно взглянув на нее. – Я...иду...у...иду.

– С тобой все нормально?

– Вроде бы, – промямлила я, всецело ощущая себя тем самым географическим атрибутом, который изо всех сил крутят непослушные ученики во время урока.

Она посмотрела на меня с подозрением, но это было уже чересчур. Я взяла себя в руки и проследовала за ней на площадку, где все уже рассредоточились по позициям и теперь пристально наблюдали за тем, как я, озираясь по сторонам, старательно ищу себе место на этом поле. Мои ноги застыли. Кажется, здесь.

Раздался пронзительный свист из дешевого пластмассового предмета, застрявшего между губ покрасневшего, словно рак, Александра Валерьевича. Он положил начало, на первый взгляд, рядовой игре. Тренировочной. Легкой. Не скованной. Такие противостояния со стороны не выделяются ничем сверхъестественным. Но моими глазами и глазами Олеси все виделось совершенно иначе. Каждое мелкое единоборство сопровождалось скрытыми вспышками ярости. Каждый спорный мяч – оглушительными дебатами. Все это больше походило на, натянутую до предела, тонкую нить. Любое неловкое действие запросто оборвет ее.

Мяч у нас. Мы в позиционной атаке. Передаем поочередно его друг другу, в поисках наиболее выгодной точки для совершения голевого броска. Я замахиваюсь. Отдаю снаряд под себя. Ира подхватывает его и устремляется в угол. Там все перекрыто. Осознав, что бросить снова не получается,

она передает мяч Марине, а та, в свою очередь, каким-то чудом вклинивается между защитницами, но ее тут же крепко обнимают со всех сторон и полностью обездвигивают. Звучит свисток. Это семиметровый.

– Лиза, держи, у тебя получится, – протягивает мне мяч, заработавшая право на этот бросок, партнёрша.

Я в полном недоумении.

– Эм...

– Давай, Лиза, ты сможешь!

– Я? Я... Хорошо, – так и не приходя в себя, лепетала я, с трудом шевеля своими губами.

Беру снаряд в правую руку и поднимаю его на уровень того же плеча. Сжимаю изо всех сил. Он так и направил предательски соскользнуть с моих мокрых, от пота, ладошек. В эту секунду, время для меня как будто остановилось. Я слышала, как не спеша бьётся моё сердце, сотрясая весь зал. Как каждая, просочившаяся сквозь поры, капля пота падала со лба вниз и с грохотом разбивалась о покрытие под моими ногами. Я делаю длинный замах. Все смотрят на меня, и лишь голкипер не сводит с мяча свой внимательный, полный концентрации, взор. Сейчас. Нет. Ещё пару мгновений. Ложный. Ведётся. Время начинает бежать. Я зажмуриваюсь и бросаю с отскоком. Вратарь отражает, но снаряд медленно скачет обратно. Я делаю движение к нему навстречу и... получаю сокрушительный удар в голову, после чего падаю на паркет без сознания.

– Лиза! Лиза! Очнись! Лиза! – кричала Настя, ухватившись за меня, на границе истерики и сумасшествия. Но я уже не возвращалась. Тогда она повернулась к Олесе. – Ты! Ты! Зачем ты это сделала?! Ты ведь нарочно её ударила, да?

Настя срывала голос, однако нарушительница несколько не выражала своего сожаления. В зал вбежал Алексей Борисович. Все смешалось, словно в аду у Данте¹⁰ и голоса стали неразличимыми. Но среди сутолоки и нескончаемого ужаса был отчётливо слышен неумолимый крик – лишь одно слово: «Лиза...»

* * *

Темно. Голоса. Вокруг были лишь голоса.

– Ещё одну дай. Ещё одну, Свет, я попросил тебя.

– Сейчас. Это мои перчатки.

Белый свет. Его слабая струйка. Я ничего не чувствовала. Все, окружающее меня, пространство, было затихшим и непроглядным. Лишь два преспокойных голоса.

– Вот кровь. Смотри, где я показываю.

Кое-как, постоянно зажмуриваясь и вновь открывая глаза, я смогла разглядеть головы врачей в колпаках и масках. Наполнив воздухом грудь, я попыталась хоть что-то сказать.

– Что... что здесь происходит?

– Тише, – шикнул один из них в круглых, сдвинутых на

¹⁰ **Данте Алигьери** – итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель. Создатель «Комедии» (позднее получившей эпитет «Божественной», введённый Боккаччо), в которой был дан синтез позднесредневековой культуры

нос, очках. – Вам нельзя волноваться. Закройте глаза.

Мне стало не по себе.

– Нет, я... не понимаю... что я...

– Возможно, это ваш шанс, – перебил меня женский голос из маски с другой стороны. – Но вам нужно закрыть глаза и постараться уснуть.

Очки у второго съехали ещё ниже, и он неожиданно схватил шприц.

– Нет! – закричала я. – Не надо! Пожалуйста!

Шприц в то же мгновение впился в моё бедро. Морфей...он снова забрал меня.

Глава 2. Петровская ассамблея

Шесть лет спустя. Декабрь. Тольятти. Ночной клуб «Эйфория».

Фестиваль «White snow» представлял бы собой более чем привычный синдикат танцевальной музыки стилей House and Trance, если бы не одна, замечательно закрепленная организацией, тонкость – новогодняя тематика. Сливочная, с макушек, замазанных гелем, голов до кожаных, тряпочных, даже абсолютно босых, у девочек на пилонах, розовых пятючек. Шапки с косичками, помпончиком, без всего. Для данного мероприятия, проходившего не только в Тольятти, но и в других городах России, владельцами клубов специально была закуплена даже белая аппаратура со стелящимся по проводам инеем. Своей привлекательностью зрелище чем-то напоминало великий «Sensation», однако бесценную лепту внесла атмосфера, породившая самое, что ни на есть зимнее настроение и улетное состояние, которое, к тому же, уверенно подкреплял падающий с потолка, как со звездного неба, искусственный снег.

Прямо тут, за ничем не отличающимся внешне от многих других, столиком с небольшим депозитом, расположились наши, уже совсем взрослые, красавицы – Лиза и Яна.

– Кажется, мне уже хватит! – протягивая стакан с недопитым виски, прокричала моя подруга, стараясь быть громче

музыки.

Я положила в ладонь подбородок и сделала лицо из серии – «Да что ты?»

– Конечно, хватит! – орала я ей в ответ. – Я думала ты после семи шотов с теми парнями у стойки, – мой взор пал на алкогольное безумство за спиной бармена. – Вообще к спиртным напиткам, сегодня, уже не притронешься!

Яна уронила стакан перед собою, выплеснув из него пару капель, затем подняла его и гордым лебедем приосанилась.

– Но зато как я их сделала, а?

«Да уж», – подумала я и отвернулась к танцующим бо-соногим снегурочкам. Гоу-гоу эпопея по-прежнему фиксировала на себе не только взгляды ненасытных бухих мужчин со сминающим руль авто животом, но и привередливое око трезвых девчонок. Большинство из этих, так называемых, танцовщиц не обладали ничем, кроме данных и пластики. Хореографии – ноль. Акробатики – ноль. Хотя, наверное, в ночном клубе из вышеперечисленного, кроме фигуры и смазливой личика ничего и не нужно. Но эти дочурки Деда Мороза еще и грудь свою оголили. А та вся как на подбор: двоечка, не висит и с крохотным привлекательным ореолом.

– Хей! – внезапно стукнула кулаком по столу моя «накачанная» подруга. – Ты что за меня не рада?

Я издевательски улыбнулась.

– Да они просто сжалились над тобой! У тебя половина последнего шота, по-моему, вся на подбородке осталась.

Яна рефлекторно вытерла названную мною часть головы и, глубоко разочаровавшись в моих неверных догадках, скорчила сварливую мину.

– Ой, все! Ик. Один из них, между прочим, предложил посмотреть мне ночную родину АвтоВАЗа, усыпанную бархатистым пуховым снегом. Ик.

– Что вы, что вы! Бархатистым! А то ты ее ни разу не видела?

– Нет!

Только не это.

– Даже не думай, Ян! Мы ведь договорились, что поедем к Оксане вместе, безо всяких ночных свиданий!

– Ну, Лиза, ты такая тухлая, – бахнулась она на диван и теперь пропала с поля моего зрения. Лишь пьяный, кричащий из преисподней, голос. – Пойдем! Ик. Их ведь двое! Того, который меня пригласил, вообще Ипполит зовут. Представляешь? Как в «Иронии судьбы»! А вдруг, он мой принц? Ик.

Яна выглядела чудовищно опьяненной. А сейчас и вовсе валялась. С каждой секундой ее икота и манера невербального общения с внешним миром только усиливали эффект. Я снова оперлась на одну руку и томно взирала на бар.

– Какая судьба, Чижик? (У Яны фамилия Чижикова, если кто вдруг не помнит. С недавних пор это слово стало ее вторым именем). – Какой принц? Он – молодой парень, ты – симпатичная девушка. Ночной клуб. Да это элементарное либидо, моя дорогуша!

Она вновь перебралась в сидячее положение и ее брови криво нахмурились. Кажется, она не расслышала.

– Что?! Ик. Какая еще обида?!

Ну вот. Точно.

– Ли-би-до, – повторяла я ей по слогам. – Я говорю, переспать он с тобой просто хочет. И вся любовь.

– Дура! – крикнула на разрыв проспиртованная подруга, после чего образцово и демонстративно подняла с дивана свою пятую точку опоры, схватила сумку, еще раз громко икнула и пошагала, не без труда, конечно же, однако в заданном направлении. К безмерно напивающимся ребятам у барной стойки.

Покачав головой из стороны в сторону, я осушила бокал с недопитым виски и звонко поставила прямо перед собой. По его стенкам медленно продолжали сползать янтарные капли. Мне кажется, я видела в них себя. Маленькую. Взбалмошную. Беззаботную. Бегущую по солнечному кварталу и наступающую сандалиями в лужу от промчавшегося ночью злющего ливня. Бабушки поливают на балконах свои цветы, а я безостановочно шлепаю, вырываясь на тротуарную плитку. Она новая. Ее только недавно выложили. Я бегу, запрокинув голову, и гляжу в голубое небо. Желтый шар вынуждает щуриться, а пальцы правой ноги находят очередной мини-водоем. Я опускаю взор и смотрю в его отражение. Там Яна, наклонившись, держится за колено, а я стою рядом и озираюсь. Вокруг неожиданно потемнело. В лужу

начали падать капли, смывая картину и заставляя меня оторваться. Подняв голову, я вдруг поняла, что оказалась посреди большой магистрали. Машины пролетали с бешеной скоростью в обе стороны. Вдалеке засверкала молния. Я вздрогнула. Свист разрезающих воздух автомобилей вселял страх, и мне не оставалось более ничего, кроме как закрыть ладонями уши. Дождь обрушился с бешеной силой. Я закрыла глаза.

– Простите, сударыня, – вытянув на свободу и снова показав мне пустой бокал из-под виски, ворвался в мое ухо задорный мужской голосок.

Я повернулась к его источнику. Среди снова пришедшей в мою волнительную серую жизнь громкой музыки и праздничной обстановки, стоял сгорбившийся парнишка – закадычный друг того самого Ипполита, победитель алкогольного пиршества.

– Вы не желаете, – вежливо продолжал он. – Покинуть сей бал в отсутствии одной туфельки? М?

Этот парень серьезно пьян. Язык его заплетается, но он держится. Стойкий мне алкоголик попался.

– Это что, какой-то дурацкий розыгрыш? – спросила я изумленно. – Или ты свадебным тамадой подрабатываешь?

Он наклонился еще сильнее и походил на разрыдавшуюся иву у побережья. Со всей своей неуклюжестью этот парень выдул перегар шепотом в мое ухо.

– Вы даже не представляете, как я боюсь упустить вас...

– А что, для этого разве обязательно снимать обувь? – подыгрывала я, не убирая ухо от его губ.

Он тяжело вздохнул и оторвался от него сам, после чего, ухмыляясь, посмотрел в мои, иронизирующие знакомство, глаза.

– Нет, – произнес почти трезвый голос. – Но так у меня хотя бы появится шанс найти вас. Найти и отдать вам туфельку.

Я выпучила глаза.

– На улице зима, уважаемый! Я с вами обморожение получу.

– А я быстро найду вас.

Мне пришлось по вкусу его находчивость.

– Хорошо. Но знайте – у меня размер сорок третий.

– Плевать.

– Еще и ноги воняют.

– Вот как? И у кого же они пахнут лавандой?

Я призадумалась.

– Да ни у кого! – заявил он, улыбнувшись намного шире.

– А еще есть натоптыши...

– Так, стоп! – хлопнула громко по столу мужская ладонь, но ничье внимание эта выходка не привлекла, ибо в шумном клубе такие звуки распространяются максимум в радиусе трех метров. – Мне абсолютно все равно что у тебя с ногами! Я просто хочу пригласить тебя на свидание.

Я откинулась на мягкую спинку и сделала важный вид.

– Оригинальный подход. И когда же?

– Сейчас.

«Ну вот», – подумала я, глядя на него большими глазами. «А то выделывался стоял... вы да не вы... с золушкой какую-то параллель проводить тут начал».

– Ну, так что? – не унимался почти до конца протрезвевший парень.

Мое лицо снова стало предельно важным. Авантюра так авантюра.

– Я согласна.

* * *

Двери лифта открылись с металлическим скрежетом и из него буквально вывалились на холодный бетон, словно сбитые за борт кегли, я и мой новый знакомый – Денис в состоянии глубочайшего алкогольного опьянения. На этаже тускло светила бюджетная маломощная лампа. Оттенок нити внутри нее был почти что оранжевым, и казалось, вот-вот должен был прекратить свое унылое существование. Лежа напротив и запутавшись в собственных куртках, мы закатывались от смеха так, как это когда-то происходило с поколением серпа и молота на концертах Задорнова.

– Ты живешь здесь? – обратился ко мне кавалер, оглядывая подъезд.

– Нееееет, тут живет моя подруга.

– Подруга?

Он принял довольно испуганный вид и вновь сконцентрировался на мне. «Ты чего, мужик?» – отзывалось мое созна-

ние.

– Она самая, – утвердительно уточнив и накренив брови, ответила я. – Сегодня я у нее ночую. Мы еще утром договорились. А ты ведь обязался меня проводить и слово свое сдержал. Самый настоящий джентльмен, как – никак.

– Ну, да... – лицо Дениса вдруг резко переменялось. Оно стало отражать нарочитое разочарование и он, теперь, лишь сухо улыбался, взирая на мои розоватые, от развернувшейся на улице пурги и мороза, щечки. «Видимо, он ожидал чего-то большего от свидания», – размышляла я про себя. «Все мужики одинаковые».

– Спасибо тебе, я, правда, здорово провела время, но мне пора идти баиньки, – окончила я предложение игрушечным голосочком, ухватив обеими ручками кавалера за мокрый меховой воротник.

Он отвернулся и мгновенно засобирался в заблудшем, тоскливом безмолвии. Привстал. Отряхнулся от налипшей с грязного пола сухой и противной пыли. Застегнул куртку и только тогда отважился одарить меня своим, полным надежды, взглядом.

– Хорошо. Тогда я пойду?

Его голос звучал неуверенно. Этот парень все еще не верил в произошедший облом. Однако я поскупилась на всякого рода лирические выражения из любвеобильных, пропитанных соплями, слюнями и чем-то еще, мелодрам, а потому лишь коротко промычала:

– Угу.

Денис снова неохотно развернулся и пошагал к лифту. Нажал на кнопку. Музыка радикально сменила мотив в моей голове с позитивного на какой-то дико тоскливый и своего нового знакомого я провожала взором, наполненным глубокой печалью. В эту минуту меня обволакивала пелена забвения, и я уже не думала ни о чем, уставившись в потускневшую от времени стену, при этом, не обращая никакого внимания на закрывающиеся, за неудавшимся кавалером, двери старого лифта.

Мое, обездвиженное думами, тело продолжало валяться на сером бетоне. Едва слышные звуки бренчащей шахты с трудом доносились до уха. Тишина. Такая милая, ледяная и ни о чем не подозревающая. Я отчаянно возжелала слиться с ней воедино. Не дергаться. Не дышать. Ни о чем не думать. Но...нет. За моей спиной внезапно возник звук, олицетворяющий всю неудачу моих попыток. Я повернулась. Механизм в замочной скважине неожиданно щелкнул еще раз. Дверь приоткрылась. Вместе с лучиком света, пробивающимся сквозь щелку, в подъезд полились громкие, перебивающие друг друга, повышенные тона ссорящихся парня и девушки. Голос барышни мне показался знакомым, но прежде чем я догадалась, они оба выскочили наружу, распахнув двери настежь – тот самый Ипполит и, повисшая на нем, Чижикова. Я спряталась в пуховик поглубже.

– Нуууу, я так не хочу, чтобы ты уходил, – жалобно сто-

нала моя, упрямая в квадрате, подруга, после чего страстно впилась в губы героя киношедевра. – Останься! А утром я тебя провожать буду, м?

Яна уже перестала икать, однако от этого ее эксцентричный образ не многое потерял. В дверях мне удалось разглядеть Оксану, застывшую в позе подруги невесты и терпеливо ждущую, когда Чижик, наконец, бросит ей судьбоносный букет. У молодых же диалог был в самом разгаре.

– Могу поклясться, – оторвав губы, обратился Ипполит к Яне. – Что утром ты захочешь подольше поваляться в кровати, а затем, в такой же, не менее мольбообразной форме, будешь упрашивать меня дойти до дома самостоятельно, за что щедро обещаешь вознаградить при следующей встрече.

– Нет, нет, нет! Я так не сделаю! Обещаю!

Возлюбленный чуть помялся и опустил Чижику на ноги.

– Я все равно не могу остаться, мой костерок. У меня с самого утра непочатый край всякой занудной работы. Прости.

Ну, прям Ромео и Джульетта. Сейчас расплачусь.

– Смотри, – Ипполит вдруг заметил кучу теплых вещей, в кои было закутано мое тело, и теперь невоспитанным зевакой указывал на нее.

Яна сразу меня узнала и искренне удивилась, распахнув очи так, что они чудом не вылезли из орбит.

– Лиза?!

Моя голова подалась повыше.

– Я, я, натюрлих!

– Ты где была?

– Здесь, как ни странно.

– Остришь, подруга. С Денисом гуляли, да? Я все про тебя знаю, – забралась она в сценический образ вылитой Ванги, затем снова поцеловала своего кинопарня и слезным взглядом проводила сбегающего по лестнице. Я встала, отряхнулась и подошла к ней.

– Пойдем в дом, костерок, – с улыбкой издали мои уста, а рука крепко приобняла за плечо загрустившую Яну.

Она вздохнула.

– Эх, ... пойдем.

Мы вошли в квартиру, и я молча поздоровалась с Оксистой, кивнув ей в ответ.

– Лиз, ты, может быть, кушать хочешь? – бодро обратилась она. А то у меня припасена парочка салатиков для этого случая.

Вдохновляясь ее этикетом, я улыбнулась в ответ глазами, но вежливо отказалась. Кушать мне совсем не хотелось. А вот небольшое отступление сделать хочется, дабы рассказать читателю поподробней о нашей общей подруге из взрослой команды. Почему взрослой? Потому что мы с Яной играем за молодежку. Недоросли еще. Так вот. Ей двадцать четыре года и она уже неоднократно становилась участницей Чемпионата Европы, Мира, выступая за национальную сборную и попадая в призы. С ней мы познакомились на общекоманд-

ных сборах в городе Краснодаре. Живет она одна и наш дуэт изрядно этим пользуется, как, например, сегодня. Но Оксана ничего против, ровным счетом, не имеет. Она и сама частенько загуливает. Ну да ладно. Прямой эфир. Да, да, я помню.

Разувшись, мы с Чижиком, не проронив ни единого слова, беззвучными шагами, в обнимку, слегка пошатываясь, будто моряки на подвижной палубе, упрямо прокладывали свой путь в большую спальню. Хозяйка квартиры же пустила корни еще на входе, провожая нас смеющимся взглядом.

– Я, конечно, не буду тебя спрашивать, Лиз, как ты оказалась на грязном полу подъезда, – кричала нам в след она. – Но раздеться все равно бы не помешало.

Я отмахнулась.

– И все же? – продолжала Оксана.

Яна повернула лицо ко мне и недоумевающе посмотрела, нахмурилась, после чего немедленно поспешила вступить.

– В комнате она переоденется!

– Но как же?

– Никаких как же! Утром поговорим!

На этом хозяйка сдалась. Или просто решила, что вразумить в стельку пьяную Чижикову ей не под силу.

Открыв дверь ногою, мы, немного изменив угол, зашли в спальню, по-прежнему шагая в обнимку. Я захлопнула пяткой дверной проем и наши глаза, словно лопнувшие, увидели крошечную темноту. Яна, обессилив, повисла на мне. Тя-

жело, однако. Но этой леди, кажется, невдомек.

– Ну и что дальше? – спросила она, когда ее голова уже сползла на уровень моей талии.

Мне захотелось сразу же ответить довольно остро, но все силы уходило на то, чтобы удержать ее. Поднатужившись еще самую малость, я психанула. Чижик упала на пол без промедления. Грохот, с коим она свалилась, был устрашающим.

– Будем искать кровати, – произнесла я, с облегчением выдохнув.

Послышалось бормотание. Очевидно, Яна лежала устами вниз.

– Ты помнишь где здесь выключатель?

– Нет.

– А фак быть?

– Элементарно, Ватсон!

Я засунула руку в карман своих джинсов и вытащила оттуда гаджет. Зажгла экран. Разблокировала. Включила фонарик.

– Это ты хруто придумала, – раздалось с пола.

«Еще бы», – сказала я про себя и осмотрела валявшуюся подругу. Она лежала пластом, прижав одно ухо к паркету. Конечности были разбросаны в разные стороны. Практически поза морской звезды. Наглядевшись на это творение, я осветила стену и сиюсекундно отыскала единственный имеющийся в комнате выключатель. Споткнувшись обо что-то

неясное и, едва не очутившись бок о бок с изнывающей пьяной девицей, я все же щелкнула по нему.

– Блин, Лиза! – заорала она, ощутив наступившую слепоту.

– Сейчас все пройдет! – горланила я в ответ.

Пройдет. Точно пройдет. Громко изложив эту реплику и присев на корточки, я утешала ее не только свою подругу, но и саму себя. Мне также приходилось терпеть, жмуриться, но уверенно переносить все тяжбы фотонной атаки.

Со временем ее пыл подугас. Я смогла нормально открыть глаза и увидеть комнату магазинного блеска. Такое чувство, что в ней поработал на славу отъявленный нескучный педант. Кровати, шкаф, стол, тумбочки – везде наблюдается своеобразная геометрия. Все расставлено так красиво и ровно, что аж глаз режет. Это типа из разряда «У меня все по фен-шую»? Или просто психическое расстройство? «Ладно, Оксан, это не самое страшное, что может случиться с женщиной-одиночкой», – завершила я внутреннее бурное обсуждение и перевела свой пристальный взор на одну из, стоящих по разным углам, односпальных кроватей. Яна растеклась по ней, почти не изменив позы и даже не набросив на себя теплое одеяло из синтепона. Эту комнату Оксана оборудовала специально для нас. Очень удобно.

Внезапно, тишину в помещении нарушил совсем не девичий – добрый и громкий храп. Я улыбнулась, поднялась на ноги, расстелилась, разделась, скидала вещи на спинку и на

секунду остановилась. Храп моей близкой подруги сменился слабым сопением. Я посмотрела еще раз на ее распластавшуюся фигуру, и мне стало по-настоящему тепло на душе. Вот уже многие годы мы с ней «не разлей вода». Даже не представляю, что может нас разлучить.

Я погасила свет и легла. Послышалась ария. Яна!

* * *

Сон. Где ты? Я ведь так устала, столько выпила, почему ты ко мне не приходишь? Ведешь себя как безжалостная скотина.

Вот уже два часа я ворочалась, вошкалась, поворачивала подушку замерзшей ее стороной, накрывалась одеялом и сбрасывала его. Однако все без толку. Моя, забавно икавшая вечером, обессилившая подруга изменила тональность храпа уже раз пять. Погромче. Потише. Попротяженной. На любой вкус. А я просто уснуть не могла. Думала обо всем подряд. Об игре. О дружбе. О политике. О голодающих негритятах в Зимбабве...

В какой-то момент, мою голову вновь заполонили спортивные мысли. Я стала размышлять о дальнейшей своей карьере, и мне неожиданно стало грустно. «А что если травма?» – без конца вторили прагматичные взрослые. «Как тогда сложится твоя жизнь? Чем заработать сможешь себе на хлеб?» Все эти вопросы перманентно сыпались на меня хотя бы раз в месяц. От чужих, от посторонних людей. А я задумывалась и действительно не понимала, какие еще интересы

не дадут мне умереть с голоду и остаться цветущей в поле, уже завядающих априори, ромашек. «Лучше бы стала бухгалтером», – говорила бабушка каждый раз, когда поздравляла меня с днем рождения. После этого я клала трубку и не выходила из комнаты до самого вечера. Потом приходила мама и по новой ставила меня на ноги. Она одна верила в мой успех. Она одна.

Я в очередной раз ощутила себя одинокой и решила проверить насколько крепко спит Яна.

– Чижик?

Прерывистого сопения не последовало. Безмолвная пауза так затянулась, что я уже было, отчаялась, как вдруг, сквозь непроглядную мрачную пелену, донеслось мычание.

– М?

Я с облегчением выдохнула.

– А почему он назвал тебя «костерок»?

И тишина. Лишь мертвые с косами стоят. Яна, блин!

– Он сказал, что я страстная... – зевает. – И пылающая, словно очаг разгоревшегося пожара. И решил ласково называть меня так. Я была не против.

Мое тело встало на локоть, а лицо засияло от радости.

– Прикольно. Похоже, Ипполит твой и впрямь необычный.

– Угу. А у вас что с Денисом?

– Ничего.

– В смысле?

– Он оказался простым самцом, стремящимся тупо перевести общение в горизонтальное положение.

– Ах, он гад!

– И не говори. Но зато он очень веселый. Рассказал мне анекдот про ушаночку Ипполита. Когда я спросила, из чего же она, Денис ответил, что это «метиша».

– Что еще за «метиша»?

– Вот и я ему говорю. А он такой: «Это когда отец – бобер, а мать – норка».

Спальню мгновенно заполнил оглушительный Янкин смех.

– Интересно, а Поля об этом знает? – проронила она, отдышавшись.

– У тебя будет...

– А я ему прямо сейчас напишу, – перебила меня подруга, заерзав.

– Но зачем?!

– Потом забуду.

– Ты сумасшедшая!

– Ага. Кхэ.

Услышав подозрительный звук, я задумалась.

– Это что, кашель?

– Ну...

– Прекращай пить ледяной алкоголь! А то сляжешь в преддверии праздников!

– Как скажете, Елизавета Сергеевна!

Она ерничала, но меня это нисколько не задевало. Я прекрасно понимала, что Чижик не могла ответить иначе. Любые нравоучения она терпеть не могла. Но мои терпела. Пусть и в подобной форме.

– Кстати, во сколько у нас вечером вылет? – сонно произнесла Яна после короткой паузы.

Я начала вспоминать.

– В 18:50, кажется. Но в аэропорту точно встречаемся в шесть. Саныч (наш главный тренер) сказал, что позже никак нельзя.

– Пф, такси до Самары на гоночном болиде не отменяли?

– Не слышала про такое.

– Тогда давай спать, а то проснемся к воскресной игре.

– Давай.

Мы обе завошкались, принимая удобную позу, и когда прекратили, я, вдруг, услышала вибрацию на телефоне своей подруги. Похоже, Ипполит написал.

– Лиз? – протянула она.

– Что?

– Ты «ТАН» взяла?

– Конечно, взяла.

– Тогда все. Сладких снов, Лаврова.

– Сладких, Чижикова.

На этом наш диалог прервался. А вибрация еще долго не переставала периодически разрывать тишину...

* * *

Небо чернело. Солнышко, часом ранее, упало за горизонт, точно поплавок, за который дернула голодная рыбка. Ветра не было. Разве что огромные железные птицы, некогда ставшие плодом искусного воображения братьев Райт, порхали над полчищем взлетных полос, которые, весьма кстати, не застилал снег, и создавали легкий поток. Другими словами – все располагало к беспрепятственному вылету в город Святого Петра.

Нашей команде удалось встретиться недалеко от билетных касс. Шум. Яркий свет. Суматоха. Все девчонки были одеты в разноцветные пуховики и, на фоне этого радужного контраста, у окружающих невольно возникало ощущение бесконечного позитива, а улыбка сама собой натягивалась на, подрубившееся от мороза, нежное личико. Тренер также от моды не отставал и, хотя на голове, кроме, стоящих как штык, пяти волосинок, больше ничего не было, снежный горнолыжный костюм «Bosco Sport» с надписью «Russia» придавал ему вид довольно-таки выразительный и опрятный. Мы с Яной катили свои чемоданы, испытывая неловкость, частичную победу над гнетущим похмельем и что-то еще. Все внимание, естественно, оказалось прикованным к нашим приближающимся фигурам.

– А я говорила тебе давай спать, – критично бормотала моя подруга, метров за двадцать до коллектива. – Вот. Теперь слушаемся.

– Да перестань.

– А что перестань?

Яна и вправду выглядела разгоряченной. Я решила, что лучше мне промолчать. Через несколько секунд наш тандем вплотную подошел к, пребывающей в томном ожидании, палитре оттенков и почти синхронно опустил головы.

– Ну, вот, теперь вроде все, – с издевкой подметил Саныч, в тот момент, когда мы остановились. – И даже чемпионы лиги соизволили обрадовать нас своей пунктуальностью!

– Какие еще чемпионы лиги? – недоуменно оглядываясь, спросила одна из барышень в коралловой куртке.

Наставник кивнул в нашу сторону.

– Да вот же они! Чижикова-Лаврова! Сокращенно ЧЛ.! Чемпионами лиги я эту парочку неразлучную называю. Ну, ведут они себя в точности так, словно Суперлигу раза три подряд, как минимум, выиграли, – подытожил Саныч, тонко намекая на наше, из ряда вон выходящее, опоздание.

Никому из нас и в голову не приходило поднимать с пола, сгорающий от стыда, расплывчатый взор. Я стояла, чуть наклонившись вперед и лишь изредка поглядывала на Яну. Она вела себя так же.

– Ладно, милые дамы, – продолжил тренер, трогаясь с места. – Все на борт!

Девчонки зашевелились и потихоньку начали удаляться. Мы с Чижиком только устало посмотрели друг другу в глаза, поджав от смущения губы, и проследовали за остальными.

Оказавшись в стенах просторного фюзеляжа через счи-

таннные мгновения, я, ведомая одной комфортабельной целью, обогнала пару-тройку сонных девиц и прочно закрепила за собой место возле иллюминатора. Яна упала рядом и скорчила сварливую мину.

– Ты бы хоть подлокотник отдала, Лиза!

«Начинается», – подумала я, тяжело вздыхая.

– Если ты так хочешь. Пожалуйста.

– Спасибо, Елизавета Сергеевна! Вы очень любезны.

Иногда мне было до боли противно смотреть на нее. Но я все равно смотрела.

– Что у тебя во рту? – спросила она с изумлением.

– Конфетка.

– И?

– Я недавно прочла, что если взять леденцовую конфету и сглатывать ее сок при взлете, то не будет закладывать уши.

Чижик глянула на меня словно на сумасшедшую.

– Блин, Лиза, ты, сколько уже летаешь?!

– Ну...

– Загну! И ни разу ведь не закладывало!

– Почему? Пару раз было.

Яна откинулась на спинку и прислонила ладонь ко лбу.

– Ой, все, – взмолилась она. Читаешь всякую ерунду. Лучше бы прочла что-нибудь адекватное. Льюиса Кэрролла или Марка Твена, в конце концов. «Том Сойер», угу?

«Бла, бла, бла», – ворчал мой внутренний голос, ничем не выдавая себя.

– Я их в детстве читала, – сказала я, опустив вниз уголки своих розовых губ. – Не люблю перечитывать.

– А! Вспомнила! Мне недавно под руку попался «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Там так интересно проведено параллель между животными и людьми... Про строй, про власть. В общем, я оценила. А еще у него есть произведение «1984». Высший пилотаж! Око большого брата следит за тобой – уууууу, – Яна закружила надо мной, точно Каспер, пугающе потрясывая кистями рук. – Ты под колпаком, Лаврова. Страшно?

– Очень.

– Вот видишь...

– Я, в принципе, не особый любитель литературного творчества, – перебивая ее, начала я оправдываться. – Мне больше по душе фильмы, музыка. Они вызывают у меня гораздо больше эмоций.

Яна залезла рукой в свой маленький рюкзачок и, пошарив недолго на его дне, достала старые, почти ветхие, наушники «monster bit», размером с хоккейную шайбу каждый.

– Не, это другое. Ты зэтовская.

Я возмутилась.

– А ты нет?! Мы же ровесницы!

– Это еще ничего не значит. Я просто воспитана по – иному. Вот и все. Поэтому имею полное право тебе говорить: книга – это другое.

Я смотрела на ее самодостаточность, что брызгала через

край, вынашивая и одновременно сдерживая внутри себя, тягу к остросюжетной полемике. Как бык, отбрасывающий землю копытом перед дрожащим тореро с тряпкой, осознавший, что смысла в ней нет никакого, но все еще страдающий нестигаемым желанием насадить ее на рога.

– Я тебя не понимаю. Что означает твое «другое»?

Было отчетливо видно, что Чижик выставляет на плеере музыку и готовится нажать на большой, появившийся в середине экрана, «play», однако палец ее завис над горящим сенсором и она тут же продолжила.

– Книга – это огромный труд. Она опирается на всевозможные ощущения и переживания персонажа. Автор вкладывает в каждую букву частичку себя самого, стараясь максимально доходчиво донести до читателя свою мысль. Он доверяет ее. Доверяет каждому. Расправляет ей крылья. Представляешь? Насколько же сокровенным предметом является каждая страничка его души. Нужно быть очень смелым, чтобы отважиться на такое. Чтобы написать действительно хорошую книгу. Порой нам хочется читать мысли и знать о чем думают все эти люди, – окинула она взглядом заполненный самолет. – И книга дает такую супер способность. Дает шанс побыть в шкуре Бога! Этого невозможно показать на экране, но на письме, ... на письме есть жизнь.

Тут я задумалась. Мой взор устремился на взлетную полосу. За стеклом было необычайно темно, и только яркие огни по краям напоминали рождественскую гирлянду. Да

и настроение оказалось подстать. До 31 декабря оставалось немногим более двух недель. Я опустила взгляд ниже и заметила несколько небольших отверстий в окошке иллюминатора. Сгорбившись и посмотрев в них, мне довелось узнать, что они сквозные. Я испугалась. Сглотнула ком, но тут же пришла в себя, сделав вывод, что раз эти цилиндрические отверстия сделаны столь аккуратно, значит они зачем то нужны, и, соответственно, просверлены не только в моем стекле.

Откинув с облегчением свое тело на спинку, я, вдруг, замечталась.

– А знаешь, Ян, я бы тоже хотела, чтобы про меня написали книгу. Изобразили все мои мысли, описали эмоции. Круто бы вышло, как ты считаешь?

Но в ответ тишина. Когда я повернулась, Чижик лежала, закутанная в плед, с прикрытыми глазками и слушала что-то веселое и танцевальное. Я глубоко вздохнула и повернулась обратно. Мы взлетали. До свидания, Самара-городок. До свидания.

* * *

В сердце расписанного по-зимнему аэропорта Пулково мы очутились незадолго до наступления десяти часов вечера. В палитре огней этого, узнаваемого миллионами людей на планете, перелетного пункта северной столицы растворялась вся та бурная суматоха, которая была присуща повседневному прайм-таймовским вылетам. Где-то уже висели, так называемые, дождики, у многих продавцов были целые

ошейники из красочной мишуры, а на выходе мы и вовсе встретили, увешанную десятками разнообразных игрушек, искусственную миниатюрную елку. Вся команда шла мимо, крутила увлеченно своими головками и только я, казалось, брела в легком смятении. Мои мысли однозначно не сходились с мыслями остальных и лишь у меня одной, наверное, они были такими бредовыми. Сопоставив, что до Нового года еще прилично, а елка уже стоит, я внезапно решила, что это дерево непременно является католическим. У них – то рождественский праздник не за горами.

– Лаврова! – окликнул меня наставник, заметив, что я застряла у елки в гордом романтическом одиночестве.

Я сразу очнулась и проследовала на выход, покидая маленький праздничный уголок.

Мы подошли к автобусу вместе. Все девки окинули нас любопытствующим взглядом. Я немного смутилась и постаралась смотреть за их спины, заострив внимание на габаритах нашего персонального транспорта. Машина была огромная. Водитель бегло выскочил из кабины, после чего в один миг открыл нам этакий склад у самого днища, в который мы, нисколько не напрягаясь, быстро поскидывали свои сумки и чемоданы. Девчонки кучковались, шептались, прикрывали рукой уста, дабы я ничего не услышала, и задиристо поглядывали в сторону моей популярной фигуры. «Ну вот», – въелась мне тут же в голову мысль. «Стоило лишь однажды остаться с Санычем наедине и пару раз ему улыбнуться, как

в стане большого женского коллектива сиюминутно разворачиваются сплетни».

Не жажда высматривать выслушивать подколы, насмешки и издевательства от этих не далеких особ, я на одном дыхании забежала по ступеням в салон автобуса и отыскала уютное креслице в его задней части. У окошка. Я всегда старалась, при первой же образующейся возможности, пересаживаться к нему. Мне нравилось смотреть на скользящие мимо улицы. Взирать на одиноких людей. На пары. На семьи. На их счастливые и грустные лица. На дам, которые за рулем, в пробках, умудряются краситься, делать прическу и даже маску из огурцов. Порозовев от последней картины, всплывшей в моем сознании, я уселась чуть поудобней и медленно, с нежностью стянула теплые меховые варежки со своих тонких согретых пальцев. Затем повернулась к окну. Разомкнула мягкие губы. В отличие от Самары, здесь были осадки. В виде невообразимо крупных и легких хлопьев, хаотично сближающихся с землей. Безветренно. В Питере нет ветра. Это же офигеть! На такой обожаемый пейзаж нам, видимо, удалось попасть совершенно случайно. В душе стало так тепло, что временами я ощущала себя бабушкой, сидящей у камина и поглаживающей, уснувшего на руках, котенка в роскошном кресле-качалке. Не понимаю, как люди во многих странах живут без снега. Это же полный абсурд! Холода есть холода и никак иначе! А если в январе температура разнится с июльской на шуточных десять градусов, раз-

ве это нормально? И нет сложившихся ассоциаций: зима – белоснежная, весна – цветущая, лето – жаркое, осень – золотая. Это же здорово, что мы имеем возможность видеть природу во всех возможных ее проявлениях. И подчеркнуть достоинства и недостатки каждого из этих периодов. Но снег – это что-то волшебное. И я люблю его бесконечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.